

В.Т. Сакаев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Т. САКАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Учебное пособие

КАЗАНЬ

2019

УДК 314:32(100)(075)
ББК 60.75(0)я73
С15

*Печатается по рекомендации Учебно-методической комиссии
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 2 от 30 октября 2019 г.)*

Рецензенты:

врио директора Института философии и права УрО РАН,
кандидат политических наук, доцент **В.С. Мартьянов**;
доцент кафедры международных отношений ИМО КФУ,
кандидат политических наук **Д.М. Коломыц**

Сакаев В.Т.

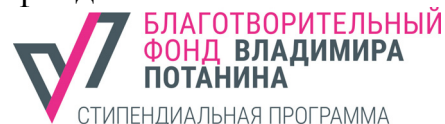
С15 Политическая демография [Электронный ресурс]: учебное пособие /
В.Т. Сакаев. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 1016 КБ). – Казань:
Издательство Казанского университета, 2019. – 116 с. – Систем. тре-
бования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:
<https://politdem.ru/biblioteka/> – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-243-8

Политическая демография – это перспективная и бурно развивающаяся отрасль политической науки, опирающаяся на междисциплинарный подход. Уникальность политической демографии заключается в возможностях для качественного прорыва в политико-экономическом анализе и прогнозировании, так как политическая демография использует демографические модели, обладающие высокой прогностической способностью.

Издание рекомендуется ученым-политологам, преподавателям, студентам-политологам и всем, заинтересованным в исследовании проблем политической демографии.

Издано на средства гранта Благотворительного фонда В. Потанина

УДК 314:32(100)(075)
ББК 60.75(0)я73

ISBN 978-5-00130-243-8

© Сакаев В.Т., 2019

© Издательство Казанского университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Раздел 1. Теоретические основы политической демографии.....</i>	6
1.1. Предметное поле политической демографии: подходы в отечественной науке.....	6
1.2. Политическая демография как отрасль политической науки.....	15
<i>Раздел 2. Политическая демография международных отношений.....</i>	24
2.1. Демографические аспекты геополитических процессов.....	24
2.2. Демографический фактор глобальной политики.....	29
<i>Раздел 3. Политическая демография современной России.....</i>	38
3.1. Демографические процессы как фактор политического развития России.....	38
3.2. Демография и российская идентичность в XXI веке	44
3.3. Демографические процессы как фактор возникновения этнополитических конфликтов в России.....	49
<i>Раздел 4. Миграции как фактор политики.....</i>	58
4.1. Социально-политические риски миграционных процессов в современной России.....	58
4.2. Иммиграционные процессы в Федеративной Республике Германия в конце XX – начале XXI вв.: некоторые социально-политические аспекты.....	65
4.3. Иммиграционные процессы в контексте политики Итальянской республики в конце XX – в начале XXI вв.....	78
Заключение.....	102
Список литературы.....	104
Список сокращений.....	113
Контрольные вопросы.....	114
Об авторе.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Политическая демография это перспективная и активно развивающаяся отрасль политической науки, опирающаяся на междисциплинарный подход. Новизна политической демографии заключается в использовании для анализа политических процессов различных демографических характеристик, таких как: изменения численности населения страны и отдельных регионов, размеров различных возрастных, региональных, этнических и религиозных групп, распределения доходов населения, уровня урбанизации, трансформации в человеческом капитале и его распределении в обществе, влияние внутренней и международной миграции.

Уникальность политической демографии заключается в возможностях для качественного прорыва в анализе и прогнозировании политических процессов в обществе, т.к. политическая демография использует демографические модели, обладающие высокой прогностической способностью.

Учебное пособие представляет собой авторскую разработку, опирающуюся на результаты собственных научных исследований в области политической демографии, осуществленных в 2009–2019 гг., а также на работы ведущих российских и зарубежных политических демографов. Издание является одним из первых в Российской Федерации учебным пособием по политической демографии, в определенной степени оно развивает идеи, представленные в предыдущих публикациях автора¹.

Учебное пособие является учебно-теоретическим изданием, рассматривающим отдельные разделы курса «Политическая демография», и нацелено на помощь в углубленном изучении отдельных тем курса, как в рамках самостоятельной работы студентов, так и при подготовке к практическим занятиям и к итоговому контролю знаний по дисциплине. Предполагается, что настоящее учебное пособие будет использоваться в рамках применения электронного образовательного ресурса «Политическая демография», созданного в информационной образовательной среде КФУ в 2019 году.

В структуре пособия выделены четыре раздела, посвященные важнейшим проблемам, находящимся в поле зрения политической демографии. В частности, это вопросы теории и методологии исследования проблем политической демографии, отдельные аспекты воздействия демографического фактора на политические процессы на глобальном и национальном уровнях политики, а так-

¹ Сакаев В.Т. Политическая демография современного мира: на материалах Российской Федерации, стран Европейского Союза и США: учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 116 с.; Сакаев В.Т. Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 244 с.

же роль миграционных процессов в социально-политическом развитии государств.

Издание рекомендовано для студентов магистратуры, обучающихся по направлениям подготовки «Политология» и «Международные отношения». Издание может быть рекомендовано в качестве основной учебной литературы для курса «Политическая демография» и в качестве дополнительной – для курсов «Радикализация европейских обществ и молодежь», «Мультикультурализм и миграции». Пособие может представлять интерес для преподавателей, ученых и всех интересующихся вопросами политической демографии.

Настоящее учебное пособие создано в рамках реализации проекта, поддержанного Стипендиальной программой Владимира Потанина 2017/2018 года (проект № ГК180001375). Автор выражает огромную признательность грантодателю за предоставленную возможность публикации данного учебного пособия и рецензентам за помощь в его подготовке.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

1.1. Предметное поле политической демографии: подходы в отечественной науке и за рубежом

Демография как наука была связана с политологией фактически с момента своего появления. В качестве аргумента можно привести тот факт, что зародившаяся в Англии в XVII веке демографическая наука первоначально называлась «политической арифметикой»². Можно также вспомнить труд Томаса Мальтуса, который одним из первых попытался объяснить, к каким политическим последствиям ведет рост населения (например, будет ли прирост населения опережать возможности экосистем и провоцировать бедность)³.

По мере становления демографической науки в ней стали выделяться области, смежные с другими отраслями научного знания: историческая демография, военная демография, региональная демография и, среди прочих, стала упоминаться политическая демография⁴.

Политическая демография признается учеными-демографами как практическая (прикладная) и смежная отрасль в системе демографических наук.

Так, авторы учебника «Основы демографии» (М., 2004) Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров говоря о системе демографических наук, выделяют среди направлений демографических исследований политическую демографию⁵.

Энциклопедический словарь «Народонаселение» (М., 1994)⁶ указывал, что в демографии по связи с практикой можно выделить ряд отраслей, в том числе и политическую демографию. Подробно данный подход к системе демографических наук представлен в табл. 1.

² Возникновение демографии связывают с работами Дж. Граунта «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (1662 г.) и У. Петти «Политическая арифметика» (1690 г.).

³ Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/znagi/maltus/maltus.pdf>

⁴ Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 27.

⁵ Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

⁶ Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 444.

Таблица 1

Система демографических наук*

1	Теоретическая демография	История демографии	Описательная демография	Экономическая демография	Историческая демография	Моделирование социально-демографических процессов
2	«Отраслевые» демографические науки: медицинская демография, этническая демография, географическая демография, военная демография, <i>политическая демография</i>					
3	Источники данных о населении	Статистические методы	Математические методы	Социологические методы	Картографические методы	Графоаналитические методы
4	Региональная демография					
5	Прикладные демографические исследования					
6	Социально-демографическое прогнозирование					
7	Теоретические основы демографической политики					

* Народонаселение: энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 444.

Известный российский социолог и демограф В.М. Медков в своих работах также включал политическую демографию в систему демографических наук (табл. 2).

Таблица 2

Демографическая система наук*

Демография	Критерий	Отрасли науки
	Уровень теоретической интерпретации	Демографическая статистика Описательная демография Формальная демография Математическая демография Теоретическая демография
	Объектно-предметный критерий	Экономическая демография Социальная демография Социологическая демография Медицинская демография Этнодемография Демография семьи Геодемография Историческая демография
	Связь с практикой	Демографический анализ <i>Политическая демография</i> Военная демография Электоральная демография Демографический Прикладная демография Региональная демография Демографическое прогнозирование

* Медков В.М. Демография: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 31.

Предметное поле политической демографии пока определено лишь в общих чертах. Известный российский экономист-демограф А.Я. Кваша в 1997 г. указывал: «Политическая демография изучает комплекс социально-политических последствий демографических процессов, как в стране, так и в мире в целом»⁷. Данное определение впоследствии стало общепринятым в отечественной демографической науке. Так, например, его воспроизводят в своем учебном пособии Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров⁸.

Данная дефиниция предметного поля позволяет поставить вопрос о принадлежности политической демографии к политологии или демографии и, соответственно, о методах исследования этой научной области. Ответить на него возможно через призму научных проблем, отнесенных к «ведению» политической демографии. Уже упомянутый выше А.Я. Кваша к рассматриваемым политической демографией проблемам относил:

- глобальные демографические проблемы и их решение (высокие темпы прироста населения в Азии, Африке и Латинской Америке; международная миграция и т. д.);
- влияние половозрастной структуры населения на электоральные процессы (политические пристрастия зависят от пола и возраста избирателя и эти факторы должны учитываться во время избирательной кампании при формировании предвыборной платформы и проведении агитации);
- миграционные потоки, иррациональные в социальном, экономическом и этническом отношениях;
- различие темпов естественного прироста между различными этническими группами в рамках одного государства, может провоцировать этнополитические конфликты (например, в Ливане политический конфликт был спровоцирован увеличением доли мусульманского населения при сохранении прежних норм этнического представительства в органах государственной власти);
- доступ определенных этнических групп к высшим государственным постам при ограничении доступа представителей других этнических групп;
- влияние половозрастной структуры населения на военномобилизационный потенциал государства;
- политические последствия эмиграции, «утечки мозгов» и т. п.;
- политические последствия запретительных мер в области демографии (например, вопрос о запрете абортс нередко становится важным фактором политической борьбы);

⁷ Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 86.

⁸ Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

- политико-демографический анализ возможных последствий принимаемых решений в области социальной и демографической политики;
- разработка вариантов демографических прогнозов при альтернативных сценариях политического развития⁹.

Как мы видим, согласно направлениям исследований перед политической демографией ставилась, в первую очередь, задача не изучения собственно демографических процессов, а определения характера их воздействия на политическую сферу.

К предмету политической демографии Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров также относили влияние демографических характеристик электората на итоги выборов. В частности, они указывали, что молодежь, как правило, менее консервативна, чем лица старших возрастов, что имеют место различия в восприятии одних и тех же кандидатов лицами разных полов, национальностей и с разными уровнями образования. Как указывали авторы пособия: «Все эти факторы, конечно, не главные в поведении избирателей на выборах, но сама тактика проведения избирательной кампании, формы и методы агитации обязательно должны учитывать специфику демографического состава населения. Так, поколения, сформировавшие свое мировоззрение (в том числе и в политическом плане) во второй половине 1980–1990-х годов, будут иметь иную систему жизненных ценностей, чем когорты рождения 1930–1940-х и даже 1950-х годов. Это возрастное расслоение политических симпатий и антипатий достаточно существенно в социальном плане, оно сказывается и на итогах выборов, и на популярности разных партий, и на многом другом. Очевидно, что политические последствия принимаемых решений разного уровня должны стать важным элементом социальной и демографической политики и экспертизы»¹⁰.

К предметному полю политической демографии относят и демографические аспекты межнациональных и социальных конфликтов. Например, по подсчетам А.П. Судоплатова, из 100 военных конфликтов с применением военной силы между развивающимися странами в 1945–1980 гг., примерно в 40 % случаев этнодемографические факторы влияли на их возникновение; эта закономерность касается и примерно 30 % конфликтов, не связанных с применением военной силы¹¹. При этом, А.П. Судоплатов, Г.Е. Ананьева, И.В. Тимофеева подчеркивали, что сам по себе рост численности населения не является источником межнациональных конфликтов, но, в условиях политического или эко-

⁹ Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 86–91.

¹⁰ Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. М.: Высшая школа, 2004. С. 27.

¹¹ Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 38–43.

номического кризиса, влияние демографического фактора на возникновение конфликтных ситуаций возрастает¹². По их мнению, спровоцировать конфликт может, например, рост диспропорции в распределении населения и ресурсов в разных регионах и странах (чаще всего такие конфликты возникают между развивающимися странами и значительно реже между развитыми странами или между развитыми и развивающимися странами). Прогнозируя устойчивую тенденцию обострения межнациональных отношений по демографическим причинам, они особо выделяли формы развития процесса территориальной концентрации наций, сопровождающиеся процессами ассимиляции и интеграции населения малых национальных групп в более крупные национальные образования¹³.

И.А. Злоказов и В.И. Мукомель в совместной работе «Демография нестабильности», анализируя социально-политические последствия демографических процессов в современном им СССР эпохи «перестройки», в качестве проблем политической демографии называли:

- чрезвычайные миграции населения вследствие межнациональных конфликтов, появления зон экономического бедствия или в результате экологических катастроф (например, число беженцев и перемещенных лиц в результате аварии на Чернобыльской АЭС составило несколько миллионов человек), а также влияние этих потоков и контингентов на социально-политическую ситуацию в районах прибытия (например, усиление экстремистских настроений среди беженцев);

- безвозвратная эмиграция и ее влияние на политические процессы в странах исхода и странах прибытия;

- изменение режима рождаемости и воспроизводства этносов как фактор разбалансировки этнодемографической структуры и, соответственно, дестабилизации политической ситуации (даже различия в уровне смертности представителей разных этносов могут стать фактором политического давления);

- изменение возрастной структуры населения и т. н. «демографической нагрузки» как фактора политической стабильности, в частности авторы указывали, что «старение населения означает усиление консервативных тенденций в политических установках, стереотипах мышления различных социально-демографических групп. Проявляется оно и в изменении численности, возрастного состава партий, группировок, движений, в эволюции их политических программ»;

- вопросы формирования и институционализации демографических интересов в программных документах различных партий и общественных движе-

¹² Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 38.

¹³ Там же.

ний, выступлениях лидеров партий и контент-анализ средств массовой информации, выражающих позицию определенных социально-демографических групп по этим вопросам;

– зависимость электоральных предпочтений населения от территориальных факторов;

– анализ демографических ограничений при принятии политических решений¹⁴.

Зарубежом к предмету политической демографии принято относить несколько областей исследования.

Как указывал основоположник политической демографии Майрон Вайнер: «У проблем поднятых политической демографией были длительные прецеденты исследования в политической и социальной теории, начиная с трудов Платона, Аристотеля, и затем Джефферсона, о взаимосвязи численности населения и учреждения правления и стабильной власти. В дополнение к этим классическим проблемам, которые восходят к глубокой древности, можно отметить другие широкие области [способствовавшие формированию политической демографии]. Первая выражалась в обеспокоенности европейских ученых в 1930-х годах проявившимся снижением населения Европы и его воздействием на экономический рост и на конфликт поколений по поводу распределения государственных ресурсов. Вторая область была связана с обеспокоенностью американских ученых в 1960-х годах возможным воздействием быстрого прироста населения в развивающихся странах на политическую нестабильность, рост насилия, агрессивного поведения, распространение коммунизма, революции и радикального национализма. И третья область обозначилась в работах ученых, специализировавшихся на международных отношениях, и рассматривавших воздействие прироста населения на международные конфликты через призму агрессивного поведения стран, испытывавших «демографическое давление»¹⁵.

Относительно предмета новой науки, Майрон Вайнер писал: «Национальная Академия Наук рассмотрела доводы в пользу развития нового эмпирического поля политической демографии и предложила пять областей будущих исследований, включающих различные типы изменения населения и их потенциальные политические последствия:

1) экспертиза политических и стратегических последствий изменений в структуре возрастных групп населения, особенно увеличение возрастной

¹⁴ Злоказов И.А. Демография нестабильности / И.А. Злоказов, В.И. Мукомель // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 12. С. 19–28.

¹⁵ Political demography, Demographic engineering / by Myron Weiner, Michael Teitelbaum. New York. Oxford: Bergahn Books, 2001. P. 11.

группы молодежи в развивающихся странах и рост численности более старого населения в развитых странах;

2) изменение в размере семьи и его воздействие на обеспеченность жильем и на фрагментацию землевладений, особенно в развивающихся странах;

3) политические эффекты изменений в численности и плотности населения в контексте отношений центр / периферия и региональных различий в доходах;

4) отличия темпов прироста населения среди разных этнических и религиозных общин и их влияние на социальные и политические отношения, на политику переписей, и на политическое представительство;

5) политические последствия миграции в пределах государства и через границы»¹⁶.

М. Тейтельбаум указывал, что важнейшими направлениями исследований в области политической демографии в будущем должны стать:

1. Размер населения и его взаимосвязь с мощностью государства;

2. Влияние возрастной структуры населения на политическую силу и политическую стабильность в стране;

3. Этнический, социально-экономический и географический состав населения страны и его отражение в политической власти;

4. Воздействие иммиграции и сокращения рождаемости на политическую силу¹⁷.

По мнению Д. Голдстоуна: «Поскольку политические системы неизменны в процессе распределения и перераспределения ресурсов через различные уровни и сегменты общества, любые существенные изменения в населении (не только в размере населения относительно ресурсов окружающей среды, но даже в размере и ресурсах любых подгрупп, включая государство и элиты), вероятно, повлияют на динамику распределения ресурсов и, следовательно, будут иметь политическое воздействие. В течение последних десятилетий политологи и политические социологи включили это фундаментальное понимание в свои работы, помогая, тем самым, определить формирующуюся область политической демографии. Эта новая политическая демография часто сталкивается с вопросом, что за взаимосвязь между населением и естественными ресурсами, и в каком отношении состоят соответствующие тенденции общей численности населения к общему объему ресурсов. Политическая демография продолжает исследовать абсолютные и относительные изменения в размерах различных подгрупп населения: городское или сельское население; группы, имеющие специфические религиозные, региональные или этнические характеристики; раз-

¹⁶ Political demography, Demographic engineering / by Myron Weiner, Michael Teitelbaum. New York, Oxford, Bergahn Books, 2001. P. 11.

¹⁷ Handbook of Population / Poston, D.L., Micklin, M. (eds.). New York: Springer, 2006. P. 868.

личные элитные группы или политические фракции; разные возрастные группы. В период, когда население растет довольно медленно, или когда у большинства обществ есть население, которое довольно однородно и растет в относительно постоянной и устойчивой тенденции в течение длительного времени, эти вопросы могут казаться неважными для текущей политики. Все же мы больше не живем в таком мире. Двадцать первый век (после века глобального и регионального смещения, которое распространило технический прогресс и экономическую интеграцию) является временем, когда разнообразные и быстрые изменения населения имеют место по всему миру. Во всем мире группы молодежи и пожилых людей быстро увеличиваются, и городское население существенно растет. В то же время миграция и политические границы, оставшиеся со времен империализма и колониализма, сформировали многочисленные мультиэтнические общества с изменяющимся этническим и религиозным составом. Короче говоря, рассматриваем ли мы проблемы управления в Соединенных Штатах или Европейском союзе, воздействие стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) на глобальные экономические и политические вопросы или проблемы управления и нестабильности в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Азии, проблема понимания политического влияния демографических факторов будет неизбежной...»¹⁸.

По нашему мнению, в научную проблематику политической демографии следует также включить исследование:

– урбанизационных процессов на уровне отдельных стран, регионов и на мировом уровне. В отдельных странах рост численности городского населения в XXI веке приведет к изменениям характеристик политических процессов, в том числе электоральных. На глобальном уровне урбанизационные процессы провоцируют неконтролируемый рост нищеты, бедности, преступности и усиливают политическую нестабильность отдельных стран и регионов в Азии, Африке и Латинской Америке.

– увеличения доли молодежи в половозрастной структуре населения, как фактора политической нестабильности. Актуальность исследования подобных проблем демонстрируют нам события на Ближнем Востоке в 2011 году. Они наглядно показали, что для стран «Юга» более актуальны проблемы «омоложения» населения, а не «старения». Революционные события в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и др. арабских странах являлись, в том числе, результатом высокой рождаемости и значительного увеличения доли молодежи в структуре населения этих стран при недостаточном росте их экономик. Такая же ситуация сохраняется во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки.

¹⁸ Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 11–12.

– «старения» населения как фактора социально-политической напряженности. Эта проблема важна в основном для стран «Севера». Массовые акции протеста против свертывания мер социальной поддержки, которые имели место в некоторых странах ЕС, обусловлены демографическими процессами: сокращение численности работающих, вследствие падения рождаемости в 1960–1980-е гг. и массового ухода на пенсию так называемого «поколения бэби-бума» (поколения 1940–1950-х гг. рождения). В конечном итоге «старение» населения может привести к краху системы социального государства и вызвать кардинальные изменения в политической сфере развитых стран. Можно отметить, что этот вопрос чрезвычайно остро сегодня стоит и в РФ.

– этнодемографических и этнокультурных проблем, обусловленных демографическими процессами, и их влияния на политическую сферу. Например, проблема русскоязычного населения в прибалтийских республиках обусловлена демографическими факторами: с одной стороны, численность русского населения выросла в основном путем миграций в 1959–1989 гг., с другой стороны, в настоящее время наблюдается депопуляция коренного населения прибалтийских республик. Этот фактор, при сохранении значительной по численности русскоязычной диаспоры и в условиях соседства с РФ, придает проблеме русского языка острый политический оттенок.

– влияния демографических и миграционных процессов на формирование национально-государственной и региональной идентичности;

– роли демографических и миграционных факторов в региональных политических процессах;

– влияния демографических и миграционных процессов на межнациональные отношения и этнополитические конфликты;

– технологий эффективного политического управления демографическими и миграционными процессами;

– влияния демографических потерь в результате вооруженных конфликтов на политическую сферу;

– гендерных аспектов электоральных процессов, а также воздействия на политические процессы изменений уровня представленности мужчин и женщин в политических институтах страны;

– политических симпатий населения определенной территории, приверженности определенной идеологии или партии, с целью учета этих факторов при определении границ избирательных участков и округов, а также изучение электоральных предпочтений разных поколений избирателей-мигрантов;

– прецедентов использования переписей населения как инструмента политической конкуренции различных этнических групп в полиэтнических обществах.

Таким образом, спектр направлений научных исследований в рамках политической демографии достаточно широк и учитывает разнообразные формы взаимозависимости и взаимодействия демографической и политической сфер. По-видимому, по мере развития новой науки перечень направлений исследования будет только увеличиваться, чему будут способствовать и усложнение политических процессов в современном мире, и появление новых демографических трендов.

1.2. Политическая демография как отрасль политической науки

Как мы видим, демографические процессы оказывают существенное влияние на политическую сферу. Демография и политика имеют сложные формы взаимозависимости и взаимодействия: стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные симпатии и многие другие аспекты политики напрямую зависят от демографических факторов. При этом политические последствия демографических процессов проявляются, как правило, через определенный временной промежуток (1–2 поколения) и носят относительно постоянный и инертный характер. Таким образом, собственно демографические процессы и их политические последствия имеют существенный временной лаг. В тоже время, для корректировки демографических процессов с целью ликвидации их негативного влияния на политическую сферу требуется значительный временной промежуток и систематическое проведение целенаправленной демографической политики.

Необходимо отметить, что ряд исследователей фактически не различают предметное поле политической демографии и демографической политики¹⁹. По мнению автора, это не верно. Предметное поле политической демографии взаимосвязано с демографической политикой, но не тождественно, их необходимо четко разграничивать. Политическая демография исследует демографию как фактор политики, а демографическая политика – это обратный процесс, процесс воздействия государства на демографическую сферу. Несомненно, между ними существует прямая связь: политическая демография оказывает влияние на формулирование целей и приоритетов проводимой демографической политики. И, наоборот, скорректировать демографические факторы возможно только с помощью методов демографической политики. Объект исследования у них тождественен – демографические процессы, а вот предметы различны: политическая демография рассматривает последствия демографических

¹⁹ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14&

процессов в политической сфере, а демографическая политика – изучает роль государства в регулировании демографических процессов.

На взгляд автора, политическая демография это междотраслевая область научного знания, которая в большей степени соответствует политической науке, чем демографии, поскольку изучает, прежде всего, политическую сферу, а вернее – отражение в ней последствий демографических процессов. Причем, как указывалось выше, собственно демографические процессы и их политические последствия могут быть отделены весьма существенным временным лагом.

Предметное поле политической демографии в отечественной науке исторически было обозначено экономистами-демографами, точнее, специалистами по вопросам демографической политики (А.Я. Кваша и др.), а отечественными политологами до сих пор, по большому счету, игнорируется. Сейчас сложилась ситуация, когда предметное поле политической демографии, несмотря на всю свою актуальность, оказалось в значительной степени не востребованным. Демографы не заходят в своих исследованиях на это поле слишком далеко, поскольку это уже, так сказать, «чистой воды» политология, они сталкиваются с предметом исследования, который не входит в сферу демографии и они, соответственно, не обладают необходимым научным инструментарием для его исследования. Политологи не стремятся занять это научное пространство, так как работа в нем, во-первых, предполагает глубокое знание демографических процессов, а, во-вторых, необходимый для подобного политологического анализа инструментарий практически не разработан. В результате, мы наблюдаем картину, когда за более чем два десятилетия российское научное сообщество в исследовании проблем политической демографии продвинулось незначительно, в основном, лишь в исследовании некоторых политологических аспектов миграционных вопросов и влияния демографических процессов на сферу национальной безопасности применительно к условиям РФ.

Если мы обратимся к вопросу определения предмета политической демографии в отечественной науке, то мы увидим близость подходов, как в демографической науке, так и в политологии. Выше приводилось определение известного советского и российского демографа А.Я. Кваши, который писал, что «политическая демография изучает комплекс социально-политических последствий демографических процессов, как в стране, так и в мире в целом»²⁰. Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике определяет политическую демографию следующим образом: «Политические проблемы как следствие социально-демографических процессов в мире, стране или ее регионах изучают общественные науки и среди них политология и демография, – точнее демография политическая. Демография политическая – эле-

²⁰ Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентя. М.: Высшая школа, 1997. С. 86.

мент системы демографических знаний, занимающихся изучением комплекса политических последствий демографических процессов»²¹. «Политическая энциклопедия» утверждает, что политическая демография – это «научная дисциплина, изучающая взаимоотношения между размером и распределением населения, с одной стороны, властью и политикой – с другой»²². Нужно отметить, что дефиниция, предложенная в «Политической энциклопедии» несколько шире, но в тоже время она не противоречит другим подходам.

Тождество дефиниций предметного поля политической демографии позволяет считать, что в отечественной науке, причем, как в политической науке, так и в демографической науке, сложилось общее понимание предмета политической демографии. Это определение предметного поля, ставшее общепринятым в российской науке, позволяет поставить вопрос о принадлежности политической демографии к политологии или демографии и, соответственно, обозначить методы исследования этой области знаний.

На этот счет основоположник исследования политической демографии в США Майрон Вайнер, определяя предмет данной науки, писал: «Политическая демография исследует размер, состав и размещение населения по отношению к правительству и политике. Это касается политических последствий демографических изменений, особенно воздействие изменения населения на требования, предъявляемые к правительствам, на работу правительств, на распределение политической власти в пределах государства и национальной силы среди государств. Она также рассматривает политические предпосылки демографических изменений, особенно политические причины передвижения людей, отношения различных групп населения к структуре и функциям правительства и к государственной политике, напрямую воздействующей на размер, состав и распределение населения. Наконец, в исследовании политической демографии недостаточно знать факты и количественные показатели населения – такие как уровень рождаемости, смертности и темпы миграции; также необходимо рассмотреть знания и представления, которыми народы и их правительства обладают относительно проблем народонаселения»²³.

То есть, согласно Майрону Вайнеру, предмет политической демографии однозначно политологический, он обозначается в таких политологических тер-

²¹ Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm>

²² Цит. по: Демография политическая / Политическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 329.

²³ *Weiner, M. Political Demography: An Inquiry into the Political Consequences of Population Change / Rapid Population Growth: Consequences and Political Implications. National Academy of Science, Office of the Foreign Secretary. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. P. 567.*

минах как «политические последствия», «давление на правительство», «распределение политической власти», «распределение национальной силы», «политические представления населения и элит относительно демографической сферы» и т. д. Если предмет исследования излагается и рассматривается в политологических терминах, то это поле однозначно ближе к политической науке, чем к демографической.

На это же указывает и другой американский основоположник политической демографии Майкл Тейтельбаум. Так, он говорит о «плачевном» положении политической демографии, которая располагается на границе между демографией и политологией, и ни демографы, ни политологи, не проявляют к ней должного внимания, а это невнимание, в свою очередь, ограничивает огромные потенциальные возможности прогресса в изучении *политических явлений* через призму населения²⁴.

Как указывает М. Тейтельбаум, демография и политология (две дисциплины, которые могли бы большего всего способствовать ее пониманию) фактически пренебрегали изучением взаимосвязи между политикой и демографическими изменениями, идущими полным ходом в мире. Поэтому поле «политической демографии» «захватили» политические активисты и журналисты, что часто приводит к преувеличениям или искажениям в интерпретации демографической информации. Также он указывал, что эта область включает в себя такие аспекты как: взаимосвязь демографических изменений и трансформации *международного баланса сил*; низкая рождаемость, сокращение и «старение» населения; международная миграция; изменения в *национальной идентичности*; композиционные перемены в политически неоднозначных социальных категориях и правах человека. Между тем множество правительств и неправительственных акторов активно рассматривают варианты т.н. «стратегической демографии», рассматривая рождаемость, смертность или миграцию как *инструменты внутренней или международной политики*. Политологи и демографы, по мнению М. Тейтельбаума, могут и должны использовать свои знания и аналитические методы, чтобы улучшить понимание и смягчить чрезмерные требования и страхи по поводу этих проблем²⁵.

По поводу причин недостатка внимания со стороны политологов к предметному полю политической демографии известный американский политолог и социолог Джек Голдстоун указывал: «Демография, во многих исследованиях экономического поведения или социальной мобильности, развилась в узкоспециализированную и техническую область, требуя передовой математики и ана-

²⁴ Teitelbaum, M.S. Political Demography / Poston, D.L., Micklin, M. (eds.) Handbook of Population/ New York: Springer, 2006. Pp.719–730.

²⁵ Teitelbaum, M.S. Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science // Population studies. 2015. No. 69. Suppl. 1: P. 87–95.

лиза огромных объемов данных. Цель этой передовой работы состоит в том, чтобы идентифицировать и разобрать причины и примеры демографической динамики – то есть объяснить, почему и как население изменяется в течение долгого времени. У политологов, таким образом, есть важная причина для того, чтобы стараться избегать этой области исследования. И все же, последствия демографических изменений слишком важны, чтобы оставлять их изучение исключительно демографам. В то время как демографы и их исследования крайне важны для выявления факторов, которые вызывают различные изменения характеристик населения (от добровольных изменений в поведении с целью приспособления к разным видам пищи, особенностям климата и болезней – до оценки того, как текущий и будущий размер и распределение населения и его групп способны измениться в зависимости от этих факторов). Так, демографы обычно не могут объяснить нам, как люди и социальные институты будут реагировать на эти изменения. Это – задача политической демографии. К счастью, это требует только базового уровня в понимании ключевых демографических понятий для осознания изменения различных характеристик населения. Но, такое понимание затем должно быть соединено со сложным и тщательным анализом политического поведения и социальных институтов, чтобы определить последствия того, как различные изменения характеристик населения могут повлиять на политические отношения»²⁶.

Таким образом, основоположники исследования политической демографии в США М. Вайнер, М. Тейтельбаум и Д. Голдстоун в один голос утверждают, что политическая демография – это, прежде всего, политическая наука.

Что касается определения места политической демографии в системе политических наук, то здесь можно обратиться к классификации политической науки, представленной М.В. Ильиным²⁷. Следуя ей, политическую демографию можно отнести к так называемым идеографическим дисциплинам, которые отражают ту или иную фактуру, собирают и накапливают знания в ходе изучения своего аспекта политики (такие, например, как политическая социология, политическая психология, политическая антропология, политическая история). При этом, политическая демография составляет как бы дальнюю периферию политической науки, наряду с другими дисциплинами идеографического типа, сопряженными с иными отраслями знания (история, социология, психология и т. п.), а также с соответствующими аспектами действительности.

²⁶ Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? New York: Oxford University Press, 2012. P. 12.

²⁷ См.: *Ильин М.В.* Основные методологические проблемы сравнительной политологии // *Политический анализ*. 2001. № 6. С. 140.

Каков же опыт обращения к проблемам политической демографии в отечественной политической науке? Рассмотрим подходы некоторых российских политологов к определению исследовательских задач в рамках данной науки.

Так, с точки зрения российского политолога В.А. Никонова, к проблемам политической демографии должны быть отнесены вопросы:

- увеличения численности населения в отсталых африканских и азиатских странах и одновременное сокращение населения в т. н. «северном поясе»;
- «старение» населения и сокращение числа работающих в развитых странах;
- процессы унификации населения стран с этнической и языковой стороны;
- применительно к России – еще и проблема несоответствия численности населения территориальным масштабам страны, которая унаследовала от СССР 4/5 всей территории и всего 50 % населения, а также сокращение доли населения России в общей численности населения мира до 2.4 %²⁸.

К вопросам политической демографии может быть отнесен и ряд научных проблем, рассмотренных в работах других российских исследователей, например:

- изменения административно-территориального деления страны и развитие местного самоуправления в связи с демографическими процессами²⁹;
- комплексное обеспечение демографической безопасности, как составной части системы национальной безопасности страны³⁰;
- депортации мигрантов как средство внешнеполитического давления³¹;
- попытки политических манипуляций и спекуляций на основе расовой или этнической статистики, использование этнического состава населения как средства обоснования этнократического правления и для политической мобилизации граждан³².

²⁸ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14&

²⁹ Харченко М.А. Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / М.А. Харченко; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 167 с.

³⁰ Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / С.И. Тиводар; Ростовский юридический институт МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2008. 58 с.

³¹ Карачурина Л.Б. Миграция как средство политического давления // Экономико-политическая ситуация в России в ноябре 2011 г. М.: ИЭП, 2011. С. 41–44.

³² Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 164–165, 188–189.

Известный российский политолог Э.А. Паин в свое время выступал с идеей выделения этнополитической демографии как отдельного направления политической науки, а В.В. Елизаров говорил о партийной демографии (программные установки политических партий по решению демографических проблем)³³.

Относительно современного состояния исследования проблем политической демографии за рубежом следует отметить, что с 2011 г. в составе International Studies Association появилась секция «Политическая демография и география» (Political Demography & Geography Section)³⁴. Организатором секции выступил демограф и политолог Яцек Кюглер (Jacek Kugler). Интересно, что создание данной секции мотивировалось стремлением примирить демографов, экономистов, политологов и социологов, заинтересованных в расширении междисциплинарных границ знания. Целью работы секции называется изучение политических явлений через призму населения, что дает возможности поощрить, облегчить и распространить исследования, способные дать новое аналитическое объяснение современным процессам. В частности, указывалось, что новое направление сосредоточено на изучении системной связи политики с демографией, которая рассматривается как ключевой компонент в изменении баланса на международной арене. Также исследователями политической демографии за рубежом рассматриваются взаимосвязи политики и демографии на региональном уровне, в частности рост этнического национализма, вызванного демографическими изменениями и миграциями, и трансформации местной политики из-за изменяющегося состава населения. Значимыми за рубежом также называются проблемы международной и национальной безопасности, связанные с демографией. К проблемам политической демографии относят, кроме того, вопросы женского равенства, различные аспекты семейной политики, а также влияние урбанизационных процессов на политику. Например, в 2011 г. на первой презентации секции «Политическая демография и география» на конференции International Studies Association в Монреале были обозначены следующие тематики:

1. Культурная демография и конфликт, в том числе вопросы: демографической динамики, неравенства и политического насилия; религиозной демографии и конфликтов; влияния демографии на гражданские конфликты.

³³ Научный семинар «Демографические вызовы XXI века». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/demo/seminar>

³⁴ Подробную информацию о работе секции “Political Demography & Geography Section” ISA можно найти на официальном сайте ISA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isanet.org/groups/isa-sections.html#pdg>

2. Демографическое влияние на внутреннюю политику, в том числе вопросы внутривнутриполитических последствий этнорелигиозных демографических изменений.

3. Групповая идентичность как фактор «за» или «против» насилия.

4. Деятельность правительств в решении демографических проблем.

5. Влияние ресурсов, климата, урбанизации и демографии на структуру страны, в том числе влияние глобального потепления на демографический переход.

Сравнение направлений деятельности российских ученых и их зарубежных коллег позволяет сделать вывод о близости предмета исследования политической демографии в РФ и за рубежом, а также назвать термин «политическая демография» общепризнанным. Приятно отметить, что развитие российской и зарубежной политической науки в исследовании проблем политической демографии, в целом, идет практически по идентичным векторам, хотя и с разной скоростью. В тоже время, особенностью западного подхода является сочетание политико-демографической проблематики и проблематики политической географии, что, в принципе, можно признать вполне уместным.

Подводя итог, следует указать, что демографические процессы оказывают существенное влияние на политическую сферу. Как уже отмечалось выше, стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства, электоральные симпатии и многие другие аспекты политики напрямую зависят от демографических факторов. При этом последствия демографических процессов проявляются через определенный временной промежуток и носят относительно стабильный характер.

Важнейшими задачами российского политологического сообщества в этом направлении являются: накопление достаточного эмпирического материала политико-демографического характера, разработка методологии и методов политико-демографического исследования, выявление и изучение закономерностей политических последствий демографических процессов. Немаловажным представляется и расширение международных контактов отечественных специалистов в области политической демографии с секцией «Политическая демография и география» International Studies Association, а также перевод наиболее актуальных зарубежных работ по политической демографии на русский язык. С целью развития политико-демографических исследований, необходимо предусмотреть включение спецкурсов по политической демографии в учебные планы подготовки университетских политологов, международных и государственных служащих. Подобная практика уже имеет место в Московском государственном университете, МГИМО, Высшей школе экономики, Казанском (Приволжском) федеральном университете и некоторых других вузах.

Было бы полезно объединить отечественных политических демографов в рамках общей исследовательской сети. Подобная попытка предпринималась

в Российской академии народного хозяйства и государственной службы, где усилиями ректора В.А. Мау в 2013 году была создана Международная лаборатория политической демографии и макросоциологической динамики. Её руководителем стал выдающийся политический демограф Джек Голдстоун, а с января 2016 года лабораторией руководит известный российский ученый С.Я. Щербов³⁵. Лаборатория выступила организатором I и II Международных конференций по политической демографии и макросоциологической динамики (2013, 2014 гг.), в работе которых принимали участие такие видные зарубежные исследователи, как Майкл Тейтельбаум, Ричард Синкотта, Эрик П. Кауфман, Моника Даффи Тофт, Дэвид Коулмен и др.

Вопросы для самоконтроля к разделу

1. Как вы понимаете понятие «предметное поле политической демографии»?
2. Каково место политической демографии в системе политических наук?
3. Опишите истоки формирования политической демографии как отрасли науки?
4. В чем заключаются принципы исследования проблем политической демографии?
5. Охарактеризуйте специфику методологии политико-демографического исследования?

³⁵ Международная лаборатория политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://br.ranepa.ru/about-the-academy/consulting-services/int-lab-goldstoun.html>

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Демографические аспекты геополитических процессов

Демографические процессы с давних пор учитывают при разработке политических теорий и военно-стратегических доктрин. В Средние века и Новое время, задолго до оформления геополитики как самостоятельной дисциплины, философы и генералы размышляли над вопросом, как численность, размещение и состав населения влияют на внешнеполитические возможности государства. Например, Николло Макиавелли утверждал, что измеряя силу государств «следует принять в воображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны... поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей и денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем»³⁶. В XVIII в. Жан-Жак Руссо писал, что величина государства как политического организма измеряется протяженностью его территории и численностью населения. Население, в свою очередь, тесно связано с землей, поэтому её количество и качество определяют численность населения в государстве и даже характер будущих войн. Рост численности населения, превысив определенную величину, которую сельское хозяйство страны способно обеспечить продовольствием, неизбежно вызывает зависимость от соседей. Преодолеть эту зависимость возможно только путем завоевательных войн³⁷. Интересно, что главной причиной краха своей попытки сделать Францию владычицей мира, Наполеон называл недостаточную для подобной цели численность её населения³⁸.

С момента оформления геополитики как самостоятельной области научного знания, демографические процессы сразу стали ключевым элементом геополитического анализа. Фридрих Ратцель, например, указывал, что малая численность населения страны является поводом к её упадку (маленький народ проще завоевать). Малые народы, как правило, находятся на низких ступенях развития, а их жизненные силы истощаются в неравной борьбе с силами природы. И наоборот, крупные по численности народы имеют значительно больше возможностей для расширения своего жизненного пространства. По мнению Ратцеля, демографический фактор определяет направление и характер геополитики: удел сильных народов – расширение и экспансия, удел слабых – быть по-

³⁶ *Макиавелли Н.* Государь / Пер. с ит. М.: Планета, 1990. С. 32.

³⁷ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 235–239.

³⁸ *Тарле Е.* Наполеон. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 421.

глощенными более мощными соседями. При этом Ратцель связывал процессы увеличения численности населения страны и её культурного роста. Культурное развитие, в свою очередь, сокращает зависимость человека от сил природы и является неотъемлемым условием создания великих государств: «В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собой, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно сгруппированные массы»³⁹. В плотности и сгруппированности населения он видел источник силы государства: «Только народы, живущие одной сплошной массой, обладают силой Антея (Святогора-богатыря)»⁴⁰. К демографическим процессам относятся и миграции населения, которым Фридрих Ратцель отводил большое место в процессе пространственного роста государства: «Народ растет, умножаясь в числе, страна – увеличивая свою территорию. Для увеличившегося населения необходимы новые пространства: оно перерастает страну. Сначала оно начинает утилизировать внутри государства те участки земли, которые оставались незанятыми; это – внутренняя колонизация. Если этого оказывается недостаточно, народ обращается к внешней колонизации, очень часто связанной с военным движением вперед, с завоеванием»⁴¹. Далее он делает вывод: «Вместе с увеличением населения открывается все больше новых земельных пространств»⁴².

Следующий этап связан с работами Рудольфа Челлена, который среди пяти важнейших политических форм (элементов политики) наряду с геополитикой выделил и «демополитику», которую понимал как проявление в форме государства народа с его национальными и этническими характеристиками. То есть, в оценке государства географическая и демографическая составляющие, по его мнению, равнозначны. Как и Фридрих Ратцель, Рудольф Челлен считал, что численность населения определяет характер политики. Сильные государства с большой численностью населения вынуждены вести завоевания, чтобы давать «излишним» народным массам работу и хлеб. Рудольф Челлен писал: «Очевидно, что даже с чисто статистической точки зрения вопрос народонаселения приобретает решающее значение для направления всей внутренней и внешней политики... Как только весь народ при нормальных условиях сначала заполняет, а потом уже и переполняет свое пространство, тогда нако-

³⁹ Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. С. 55–72.

⁴⁰ Геополитика: Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 44.

⁴¹ Там же. С. 21–22.

⁴² Там же. С. 27.

нец, наступает момент, когда в стране населения больше, чем она может прокормить. Именно тогда государство обязано направить свою политику на выполнение простейшей задачи: поиск «хлеба в пустыне» для излишков своего населения... Именно, таким образом обозначается общее направление политики государства – его большая или меньшая умеренность во внешней политике следует уже из этого математического соотношения между страной и ее народом (соответственно экономикой). Мы фиксируем крайнюю перенаселенность и нехватку населения, смотря по тому, является ли страна большой или меньшей, чем население, согласно нормальному показателю для государственной системы»⁴³.

Другой представитель немецкой школы – Карл Хаусхофер в основу своей геополитической теории положил демографические расчеты, которые позволяли ему ставить вопрос об узости имеющегося у Германии жизненного пространства для естественного развития. Демографические расчеты давали Карлу Хаусхоферу также основание говорить о несокрушимости континентального блока Берлин – Москва – Токио⁴⁴.

Не меньшее внимание демографическим характеристикам государства уделяли и представители англо-американской школы геополитики. Так, например, на основе анализа плотности населения «Хартленда», Хэлфорд Макиндер сделал вывод об особом статусе «Леналэнда» (территорий восточнее р. Енисей) и соответственно о возможности военного отторжения «Леналэнда» от территории «Хартленда». В частности, он писал: «Россия Леналэнда имеет 9 миллионов жителей, 5 из которых проживают вдоль трансконтинентальной железной дороги от Иркутска до Владивостока. На остальных территориях проживает менее одного человека на 8 квадратных километров. Природные богатства этой земли – древесина, минералы и т. д. – практически нетронуты»⁴⁵. На значимость демографического фактора в оценке морской мощи государства указывал и Альфред Мэхэн, который, в числе составляющих элементов морской мощи, выделил «численность народонаселения». Под ней он подразумевал численность той части населения страны, которая знакома с морем и может быть с успехом привлечена для службы на военном или торговом флотах⁴⁶. Подобно Альфреду Мэхэну, для анализа геополитического могущества государства другой американский геополитик Николас Спайкмен, среди 10 критериев, выделял

⁴³ *Челлен Р.* Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 207–210.

⁴⁴ *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 380.

⁴⁵ *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством / А.Г. Дугин. М.: Арктогея, 1999. С. 49.

⁴⁶ *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 58–64.

такие демографические характеристики страны, как «объем населения» и «этническая однородность»⁴⁷.

Важное место демографический фактор занимал и в геополитических воззрениях представителей русской школы геополитики. В частности, фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин в свою концепцию геостратегического анализа включал такой элемент как «народонаселение». Именно народонаселение, его материальное и моральное состояние, наряду с территорией страны и государственным устройством, формируют средства государства для успешного ведения войны, наступательной или оборонительной с той или иной державой. Вот, что Дмитрий Алексеевич Милютин писал на этот счет: «Народонаселение, его численность, распределение, степень материального благосостояния, моральное положение не только определяют численность вооруженных сил, но и существенные их свойства, а также указывают в какой степени, в случае войны, правительство может полагаться на содействие народа и на благонадежность самих войск»⁴⁸.

Другой российский исследователь Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский в своем труде «О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк политической географии)» серьезное внимание уделил миграциям населения. Также, он разработал применительно к России гипотезу о колонизационных базах в Сибири, как гарантах её территориально-политического могущества. В увеличении плотности населения периферийных районов России, особенно Восточной Сибири, он видел возможность сохранения её континентальной системы могущества «от моря до моря»: «Единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой по степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их»⁴⁹.

Видный российский стратег Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) считал численность населения важнейшим фактором геополитики. В своей работе «Величайшее из искусств» он указывал: «В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа – 160 000 000 англосаксов и 160 000 000 русских», которые создали настоящие Империи. Относительно Германии А. Вандам писал: «Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни

⁴⁷ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством / А.Г. Дугин. М.: Арктогея, 1999. С. 63.

⁴⁸ Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский геополитический сборник. 1996. № 2. С. 43–48.

⁴⁹ Геополитика: Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 205.

на пядь не увеличившейся площади сначала 40 000 000 душ, потом 50 000 000 и, наконец, как в данное время 65 000 000, она волей-неволей должна двинуться против одной из двух Империй»⁵⁰.

Повышение роли демографических характеристик государства в рамках геополитического анализа отмечается в работах постклассических американских геополитиков. Самюэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» в качестве фактора грядущего усиления исламской и латиноамериканской цивилизаций называл именно демографию. Благодаря высокой рождаемости в исламских странах, доля жителей этой цивилизации в общей численности населения Земли к 2030 г. вырастет до 30 %. Одновременно высокая рождаемость обеспечит рост доли молодежи в населении исламских стран, которая в силу социальных проблем окажется благодатной почвой для различных религиозно-политических движений. Все это приведет к началу т.н. «исламского возрождения». По демографическим же причинам (сокращение численности населения) Самюэль Хантингтон предсказывал в XXI веке уменьшение геополитического значения и влияния православно-славянской цивилизации⁵¹. Не меньше внимания демографическим процессам уделял и другой известный американский геополитик Збигнев Бжезинский. Именно численность и структура населения, наряду с географическим положением, экономическим, ресурсным и военным потенциалом, позволили ему оценить геополитическую мощь новых государств Евразии и их союзов⁵². Близкие оценки влияния демографических процессов на геополитическое положение государств давал и Генри Киссинджер⁵³.

Подводя итог, следует отметить, что уже с момента возникновения геополитики демографические процессы были в центре ее внимания. Демографические характеристики государства, наряду с географическим положением, финансово-экономическим, ресурсным и военным потенциалом рассматривались как важнейший элемент мощи государства. При этом, под демографическими характеристика понимались такие критерии как численность, размещение, состав и другие свойства населения страны, и их влияние на характер и интенсивность внешней политики государства, способность его защищаться и нападать. В характере народонаселения геополитики прошлого и современные авторы видят источник активности или упадка государства. Однако, если в первой половине XX века в динамике численности населения видели первопричину экс-

⁵⁰ Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; закл. ст. И. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002. С. 175–176.

⁵¹ Исаев Б.А. Геополитика / Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2006. С. 257–261.

⁵² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. С. 74, 89, 115.

⁵³ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 99, 102.

пансионистской политики, то в конце XX века – в ней видят уже основу политического лидерства и значимости того или иного государства. Следует отметить, что с течением времени демографический фактор в геополитике ни сколько не утратил своего значения. Напротив, обострение сырьевой проблемы вновь выдвигает на первый план демографический фактор. Для Российской Федерации это особенно актуально, так как в XXI веке ей предстоит решать проблему защиты своих сырьевых ресурсов от геополитических притязаний других государств. Для России решение этой задачи осложняется глубокой депопуляцией и ожидаемым, по прогнозам экспертов ООН, сокращением на 30 % численности её населения в течение первой половины XXI века. Таким образом, в текущем столетии демографические процессы, в том числе для России, станут решающим фактором при оценке геополитического положения и геостратегических возможностей государства. Здесь, уместно привести мысль немецкого историка Г. Вайтца, высказанную им еще в 1862 г., но не потерявшую актуальности до сих пор: «Растущее народонаселение не является безусловным преимуществом и признаком силы, но уменьшающаяся численность народа всегда означает болезнь»⁵⁴.

В тоже время, для геополитики все-таки первостепенным является фактор географического положения. По мнению же автора, такой подход является уже несколько устаревшим. География определяла мировую политику в XX веке, а демография будет определять её в XXI веке. Подобный подход применяет другая междисциплинарная область знания – политическая демография. Политическая демография близка к геополитике своим реалистским подходом в исследовании мировой политики. Но, в тоже время, в основу своего анализа мировой политики политическая демография, в первую очередь, закладывает не географическое положение государства, а его демографический потенциал.

2.2. Демографический фактор глобальной политики

Одним из направлений исследуемых политической демографией являются политические последствия глобальных демографических процессов. Изучение данного аспекта в последнее время вызывает все больший интерес за рубежом и в России. Попытаемся дать обзор новейших подходов в изучении роли демографии как фактора глобальной политики в первой половине XXI века.

Еще в середине 2000-х гг. американский политический демограф Пол Демени выдвинул гипотезу о том, что в первой половине XXI века серьезно изменится геополитическая карта распределения человеческих ресурсов, так как 99% прироста мирового населения в течение этого периода дадут развивающи-

⁵⁴ Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 208.

еся страны. Население Европы, включая РФ, которое составляло в 1950 г. 22 % мирового населения, в 2005 г. – 11 %, к 2050 г. будет насчитывать только 7 % (в абсолютных цифрах численность населения континента сократится с 728 до 653 млн. чел., то есть на более чем 75 млн. чел.)⁵⁵. А вот население Африки будет стремительно расти: в 1950 г. там проживало всего 9 % мирового населения, в 2005 г. – 14 %, а в 2050 г. – уже 21 % (в абсолютных цифрах оно вырастет на более чем 1 млрд. чел.)⁵⁶.

Таблица 3

Прогноз численности населения ведущих стран и регионов
во второй половине XX – первой XXI вв.
(за основу взят средний вариант прогноза ООН)*

Регион, страна	Население (млн.)			Прирост в % («+» или «-»)		Доля в мировом насе- лении (%)		
	1950	2000	2050	1950–2000	2000–2050	1950	2000	2050
Северная Америка	172	315	438	+83	+39	6,8	5,2	4,8
Латинская Америка и Карибский бассейн	167	523	783	+213	+50	6,7	8,6	8,6
Европа, включая РФ	547	728	653	+33	-10	21,7	12,0	7,2
ЕС	350	450	450	+29	0	13,9	7,4	4,9
РФ	101	147	111	+45	-24	4,0	2,4	1,2
«Исламский пояс»**	148	545	1109	+268	+103	5,9	9,0	12,2
Африка южнее Сахары	180	670	1692	+272	+152	7,2	11,0	18,6
Япония	84	127	112	+51	-12	3,4	2,1	1,2
Китай	549	1259	1382	+129	+10	21,8	20,7	15,3
Индия	358	1021	1593	+185	+56	14,2	16,7	17,6
Юго-Восточная Азия	178	519	752	+192	+45	7,1	8,5	8,3
Прочие районы в Азии и Океании	128	379	562	+196	+48	5,2	6,2	6,2
Весь мир	2519	6086	9076	+142	+49	100	100	100

* Составлена автором по материалам: *Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000-2050. // Population and Development Review*,

⁵⁵ *Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review*, 2006, no. 32, P. 256.

⁵⁶ Там же.

2006, no. 32, pp. 254–287; Department of Economic and Social Affairs of UN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esa.un.org>; Численность населения на 1 января, 1950–2013. – Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru>

**** Пояс 20 мусульманских стран от Пакистана до Мавритании (без бывших советских республик и 5 мусульманских государств Африки южнее Сахары).**

О чем свидетельствуют данные таблицы 3. Во-первых, видно, что стремительный рост численности населения был общим трендом всех развивающихся стран мира во второй половине XX века (прирост за 50 лет больше 100 %), а вот в первой половине XXI в. подобные темпы будут наблюдаться только в регионе Африки южнее Сахары и в странах «исламского пояса». Прирост населения в остальных развивающихся странах в этот период гораздо скромнее, а развитые страны, за исключением США и Канады, вообще демонстрируют депопуляцию. Во-вторых, если в середине XX века центрами сосредоточения населения мира были Европа (21,7 % мирового населения) и Китай (21,8 %), то в середине XXI века это – Африка южнее Сахары (18,6 % населения мира), Индия (17,6 %), Китай (15,3 %), «исламский пояс» (12 %). В-третьих, катастрофически будет сокращаться доля в мировом населении стран ЕС, России и Японии. Центры глобального развития, а, следовательно, и глобальной политики станут все больше смещаться из Северной Атлантики на юг и восток «мирового острова». Отразится этот процесс и в изменении списка стран с населением свыше 100 млн. чел. К 2050 г., по прогнозам ООН, к списку крупнейших в демографическом отношении стран (дополнительно к нынешним 11 государствам) добавятся еще 3 африканские страны, 3 страны «исламского пояса» и 2 государства Юго-Восточной Азии⁵⁷. Всего к 2050 г. численность населения Земли увеличится на 1 млрд. чел. только за счет африканцев, на 0,5 млрд. – за счет мусульман и на 0,5 млрд. – за счет индийцев⁵⁸. Произойдет усиление экономической и военной мощи, научно-технического потенциала и культурного влияния Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Азии по сравнению с регионом Северной Атлантики.

Не менее важен и вопрос о структуре населения. Таблица 4 позволяет увидеть, что население Японии, ЕС и РФ, будет иметь наибольшую долю лиц старше 65 лет. Меньший объем престарелого населения будет в КНР и США. А вот в Индии и африканских странах ожидается относительно молодая структура населения. «Старение» населения в ведущих геополитических центрах

⁵⁷ Department of Economic and Social Affairs of UN. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org>

⁵⁸ *Demery P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review, 2006, no. 32, Pp. 254–287.*

станет фактором ослабления в XXI веке их экономического и военного влияния. Больше всего эта проблема коснется стран ЕС, особенно её экономического ядра – Германии, а также Японии и РФ. США и КНР столкнутся с такой проблемой по большей части лишь во второй половине XXI века. Страны со стареющим населением, по-видимому, будут испытывать острые проблемы с обеспечением работы пенсионной системы и системы здравоохранения.

Таблица 4

Прогноз доли населения младше 15 лет и старше 65 лет
в ряде регионов и стран в 2005, 2025 и 2050 гг. (в %) *

Страна	0–14 лет			65 лет и старше		
	2005	2025	2050	2005	2025	2050
Япония	14,0	12,5	13,4	19,7	29,1	35,9
ЕС	16,4	14,4	13,4	16,4	22,6	29,9
США	20,7	18,7	17,3	12,3	17,7	20,6
Китай	21,4	17,9	15,7	7,6	13,7	23,6
Индия	32,1	24,4	18,3	5,3	8,1	14,8
Африка	41,5	36,9	28,7	3,4	4,2	6,7
Россия	15,2	18,1	10,3	13,7	27,7	38,0

* Составлена автором по материалам: *Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review, 2006, no. 32, pp. 254-287; Demographic Yearbook 2008. United Nations.* – Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unstats.un.org>; Демографическое развитие России в XXI веке/ под ред. Г.В.Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru>

Также Пол Демени считает актуальным для глобальной политики вопрос о численности населения крупнейших региональных союзов. Рассмотрим этот аспект подробнее. Таблица 5 наглядно демонстрирует, что за первую половину XXI века численность населения вырастет во всех зонах свободной торговли, за исключение ЕС и Евразийского экономического союза, причем последняя зона будет охватывать в 2050 г. всего 1,7 % мирового населения (сейчас – 2,8 %). Еще меньше будет его доля в мировом ВВП. Возникает вопрос: каковы перспективы такого объединения в XXI в.? Приведенные данные позволяют понять причины имевшей место упорной борьбы российского руководства за включение Украины (45 млн. чел. населения) в российские интеграционные инициативы.

Прогноз численности населения важнейших региональных
торгово-экономических союзов (в млн. чел.) *

Наименование организации	2005	2050
Европейский Союз	460	450
НАФТА	438	577
Союз южноамериканских наций	375	527
АСЕАН плюс три (Китай, Япония и Южная Корея)	2,031	2,285
<i>В том числе АСЕАН</i>	<i>555</i>	<i>749</i>
Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества	1,453	2,220
Африканский союз	906	1,937
Евразийский экономический союз	182,3	170,2

* Составлена автором по материалам: *Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review, 2006, no. 32, pp. 254-287*; Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. – Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru>

Пол Демени резонно указывает, что демографический фактор в геополитическом анализе в XIX и XX веках имел второстепенное значение. Значение численности населения легко преодолевалось различиями в уровне развития. Так, во второй половине XX века, меньшие по численности нации могли обладать большей экономической и военной мощью, политическим и культурным влиянием. Малая численность населения не помешала Голландии, Португалии, Бельгии играть важную роль в европейской политике, а небольшая Англия сумела создать огромную колониальную империю. Значение фактора народонаселения возрастало только во время конфликтов между странами с примерно равным уровнем развития и, тогда, демографический фактор становился решающим⁵⁹. В XXI веке имеет место быстрый рост численности населения в развивающихся странах, при сокращении и «старении» населения в развитых странах. Но, бедность развивающихся стран не является постоянным условием. Сейчас, можно наблюдать, как значительная часть развивающихся стран показывает темпы экономического роста сопоставимые с показателями развитых стран. Глобализация, свободное движение капиталов и расширяющаяся международная торговля облегчают трансфер технологий, который в комбинации с высокой

⁵⁹ *Demeny P. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century // Population and Development Review, 2012, no. 38(4). P. 685.*

численностью населения и растущими доходами ведет к изменению экономического веса стран с далеко идущими геополитическими последствиями⁶⁰.

Другой американский политический демограф Джеффри Саймон, в своей статье «Неужели демография – это судьба?», сформулировал закономерности влияния демографии применительно к будущему блока НАТО. По мнению Джеффри Саймона, тенденции демографического развития могут создать серьезные трудности в будущем для сохранения евроатлантического партнерства. Во-первых, ускоренное старение населения ЕС (средний возраст за полвека возрастет с 37,7 до 47 лет) сократит людские и финансовые возможности для поддержания численности европейских армий на нынешнем уровне, в то время как США не будут испытывать подобных проблем. Это приведет к сокращению военно-политического значения Объединенной Европы как стратегического партнера для США. Для европейского сообщества, к тому же, более важными станут вопросы обеспечения внутривосточной стабильности и безопасности, а не, актуальные для североамериканцев, проблемы сохранения глобального лидерства. Во-вторых, различия в иммиграционных потоках (в ЕС это в основном мигранты из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, в то время как в США – это латиноамериканцы, китайцы, индийцы, филиппинцы, пакистанцы, индонезийцы и т. д.), приведут к усилению значения связей с этими странами в противовес евроатлантическим отношениям. В результате, по мнению указанного автора, «стареющая» Европа будет все больше утрачивать свой экономический и политический вес, позиции в структуре мирового населения, а мир, как следствие, перестанет быть европоцентристским⁶¹. Будущее НАТО, утверждает Джеффри Саймон, вызывает все больше опасений из-за проблем, которые уходят корнями в демографию, и, скорее всего, они будут лишь углублять пропасть, разделяющую союзников по обе стороны Атлантики⁶². С подобными утверждениями трудно не согласиться, зная о масштабных демографических сдвигах и специфике миграционных потоков по обе стороны Северной Атлантики. Как мы видим, в целом, проблемы, обозначенные Джеффри Саймоном, созвучны с утверждениями Пола Демени, и развивают их с упором на аспекты военно-политической безопасности.

Российский исследователь Вячеслав Никонов также выделил несколько политических последствий глобальных демографических процессов. Он считает, что демографическое старение и рост продолжительности жизни в странах ЕС обострит проблемы пенсионного обеспечения и поставит на повестку во-

⁶⁰ *Demeny P. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century // Population and Development Review, 2012, no. 38(4). P. 686.*

⁶¹ *Саймон Д. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 40–54.*

⁶² Там же.

прос о повышении пенсионного возраста, который и сейчас в большинстве стран составляет 65 лет для мужчин. Еще одним глобальным последствием демографических процессов Вячеслав Никонов называет вытеснение языков многих малых народов и их, в конечном счете, исчезновение. Главной же проблемой глобального демографического развития, по его мнению, остается проблема слишком быстрых темпов роста численности мирового населения и, соответственно, отставание темпов роста производства продовольствия и товаров широкого потребления. Поэтому, как утверждает Вячеслав Никонов, снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства есть «не зло, а благо»⁶³.

Несколько иначе акценты расставлены в работе «Новая демографическая бомба» крупнейшего американского исследователя политической демографии Джека Голдстоуна⁶⁴. В ней он дал развернутый анализ влияния демографических трендов на глобальное развитие. Он подчеркнул, что международная безопасность в XXI веке станет всё в большей степени зависеть от распределения мирового населения, уровня прироста и изменений в половозрастной структуре населения отдельных странах, влияния демографических показателей на миграцию населения между регионами. Прогнозы ООН, позволили ему определить 4 демографических мегатренда глобального развития:

1. Сокращение доли развитых стран в мировом населении до 25 %, что приведет к уменьшению их экономического значения (при сохранении нынешних темпов развития совместный ВВП ЕС, США и Канады к 2050 г. лишь удвоится, тогда как, совместный ВВП остальных стран мира увеличится в 5 раз);

2. «Старение» трудовых ресурсов затормозит экономическое развитие прежних экономических центров (к 2050 г. 30 % жителей ЕС, США, Канады, КНР и 40 % жителей Японии и Южной Кореи будут старше 60 лет, что потребует значительного увеличения расходов на пенсионную систему и систему здравоохранения);

3. Стремительный рост численности населения будет продолжаться в основном за счет наиболее бедных и «молодых» в демографическом отношении стран, как правило, мусульманских (70 % прироста мирового населения в первой половине XXI века дадут 24 государства, являющиеся, по классификации Всемирного банка, странами с низким уровнем дохода, в частности, население Бангладеша, Египта, Индонезии, Нигерии, Пакистана и Турции за это время вырастет почти на 475 млн. чел.), что будет стимулировать интенсивную трудовую миграцию в развитые страны, поэтому, следует улучшить отношения между мусульманскими и западными обществами;

4. Две трети мирового населения будущего станут городскими жителями, и большая часть из них будет сконцентрирована в мегаполисах в беднейших

⁶³ Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. 2006. № 9.

⁶⁴ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs, 2010, no. 1.

странах Африки, Азии и Латинской Америки (при этом у этих стран доход на душу населения будет гораздо ниже, чем был у промышленно развитых стран в аналогичный период их развития, а структура населения останется чрезвычайно молодой), следовательно, можно ожидать в этих странах усиление политической нестабильности, рост преступности и возникновения «очагов» международного терроризма⁶⁵.

Таким образом, делает вывод Джек Голдстоун, угроза «новой демографической бомбы»⁶⁶ заключается не в росте численности населения как таковом, а в изменении его среднего возраста и географического распределения. Одновременно, он прогнозирует формирование новой политико-демографической структуры мира, которая будет включать в себя три элемента («три мира»):

1. «Старые» промышленно развитые страны Европы, Северной Америки и АТР;

2. Страны с быстрорастущей экономикой, но естественным соотношением молодых и пожилых возрастных когорт в структуре населения;

3. Нестабильные в политическом отношении развивающиеся страны с всё возрастающей степенью урбанизации и высокой долей молодежи.

Центры глобального лидерства в области экономики, международного сотрудничества и безопасности будут объективно, по мнению Джека Голдстоуна, перемещаться от стран «первого мира» к странам «второго мира», которые, с целью обеспечения планетарной стабильности, вместе должны будут помочь в развитии странам «третьего мира»⁶⁷.

Джек Голдстоун считает, что глобальные демографические тренды приведут к изменению структуры современных международных институтов: свое место и роль в мировой политике «G-8» все больше будет уступать «G-20», объединяющей новые экономические и демографические центры мира; Евросоюз, с целью «омоложения» своих трудовых ресурсов и стимулирования экономического роста, вынужден будет пойти на включение в свои ряды Турции; странам НАТО предстоит искать за пределами Северной Атлантики новых членов альянса, обладающих молодым населением (военно-мобилизационными и трудовыми ресурсами), таких например, как Марокко или Бразилия⁶⁸.

Суммируя подходы всех вышеперечисленных авторов, можно определить следующие основные демографические вызовы глобальной политике в XXI веке:

– во-первых, это изменение геополитической расстановки сил вследствие изменения демографического и экономического веса отдельных стран и их со-

⁶⁵ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs, 2010, no. 1.

⁶⁶ Термин «демографическая бомба» ввел в XX веке Пол Эрлих в одноименной книге, в которой предупреждал, что в 1970-х и 1980-х гг. грянет массовый голод из-за того, что рост населения в мире «обгонит» производство продуктов питания и других ресурсов.

⁶⁷ Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs, 2010, no. 1.

⁶⁸ Там же.

юзов, и, как следствие, – деградация политического влияния одних стран и союзов, усиление и расширение влияния других;

– во-вторых, потенциальный рост политической нестабильности и насилия в растущих в демографическом отношении, но остающихся бедными, странах;

– в-третьих, угроза замедления экономического роста во многих развитых и некоторых развивающихся странах, вследствие интенсивного «старения» трудовых ресурсов;

– в-четвертых, возрастание роли трансграничных миграций, а также их влияния на политические процессы;

– в-пятых, глобальная урбанизация человечества со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными и экономическими последствиями.

Таким образом, в XXI веке демографические процессы станут важнейшим фактором глобального развития и, соответственно, глобальной политики. Учет и ориентация политики национальных правительств на указанные глобальные демографические тренды является настоятельной необходимостью, а попытка их игнорирования может обернуться серьезными проблемами в будущем. Особенностью является и то, что эти тренды, носят глобальный характер и воздействовать на них возможно только на уровне глобальной политики, путем глубокого и всеобъемлющего взаимодействия различных стран и международных организаций.

Вопросы для самоконтроля к разделу

1. В чем заключается специфика исследования политико-демографических явлений на глобальном уровне политики?

2. Охарактеризуйте демографические аспекты геополитики?

3. Осветите взгляды Д. Голдстоуна, П. Демени, Дж. Саймона на роль демографии как фактора глобальной политики?

4. Как «старение» население влияет на распределение силы в системе международных отношений?

5. В чем выражается воздействие демографического фактора на потенциал военно-политических блоков и торгово-экономических объединений государств в современном мире?

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3.1. Демографические процессы как фактор политического развития России

Политические процессы, протекающие в РФ, обусловлены различными группами факторов: экономическими, социальными, духовными и т. д. Все эти факторы оказывают перманентное воздействие на политическое развитие, но значимость определенной группы факторов различна на каждом историческом этапе. В настоящее время и в перспективе, значительное влияние на политические процессы в России будет оказывать демографический фактор. Основным проявлением демографического фактора стали депопуляция и изменение половозрастной структуры населения.

Наиболее важным проявлением демографического фактора в XXI веке стало сокращение численности населения России. В 1960 г. РСФСР занимала четвертое место в мире по численности постоянного населения, в 2002 г. РФ занимала уже седьмое место, а в 2010 г. – лишь восьмое место. Сейчас РФ уступает таким странам как Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Пакистан и Бангладеш. В 2002–2010 гг. население РФ сократилось на 2,3 млн. чел. до уровня 142,9 млн. чел. Причем, эта тенденция в XXI веке, видимо, сохранится. По прогнозам ООН численность населения России в 2050 г. может составить 126,2 млн. чел., а в 2100 г. – 111,1 млн. чел.⁶⁹. См. табл. 6.

Таблица 6

Прогноз численности населения Российской Федерации
в 2010–2100 гг. (тыс. чел.) *

Вариант прогноза численности населения (тыс. чел.)	2010	2025	2050	2075	2100
Средний	142 958	139 034	126 188	114 585	111 057
Высокий	142 958	144 454	145 257	156 263	183 928
Низкий	142 958	133 615	108 941	81 613	61 653

* Составлена по материалам Департамента экономических и социальных отношений ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://esa.un.org>

⁶⁹ Demographic Yearbook 2008. United Nations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unstats.un.org>; Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» – Приложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru>

Какое влияние данная демографическая тенденция может оказать на политические процессы в стране и на ее положение в мире? В результате стремительного демографического спада Россия к середине века перестанет входить в десятку самых населенных стран мира, её опередят такие страны как Нигерия, Эфиопия, Филиппины, Египет, Мексика, Демократическая республика Конго, а к концу века – также Кения, Нигер. Причем, здесь за основу был взят средний вариант⁷⁰. Согласно низкому варианту к 2100 г. плотность населения РФ сократится с 8 до 4 человек на квадратный километр, а огромная часть страны превратится в безлюдное пространство. Это опасная тенденция для России с ее огромной территорией, подавляющая часть которой слабо освоена. Тем самым, объективно могут усиливаться геополитические претензии других государств на территории и ресурсы нашей страны.

Важным следствием демографических процессов стало уменьшение численности русского населения. В 1989 г. на территории РСФСР проживало 119,9 млн. русских и в остальных советских республиках – еще 25,1 млн. чел. В 1989–2004 гг. в Россию вернулось 5,43 млн. русских, но свыше 2 млн. из них убыли обратно, не сумев адаптироваться. В 1989–2002 гг. численность русских сократилась почти на 4 млн. чел., а их доля уменьшилась с 81,5 % до 79,8 %. В действительности же сокращение численности русских было гораздо более масштабным. Согласно ряду оценок, не менее 1,5 млн. украинцев, белорусов и лица, рожденные от смешанных браков, указали себя русскими в переписи 2002 г. На это указывает сокращение в 1989–2002 гг. числа украинцев в России на 1,4 млн. и белорусов на 400 тыс. чел. Без этих «вливаний» численность русских сократилась бы на 8,5–9,0 млн., а их доля – могла упасть до 75 %⁷¹. Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение доли русских до уровня 77,7 %, а число русских уменьшилось за 8 лет еще на 4 млн. чел.⁷² Учитывая, что русский этнос является системообразующим для российской государственности, эти демографические процессы, несомненно, найдут свое политическое выражение.

Существенное влияние на политические процессы будет оказывать уменьшение численности населения на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1989 г. в этой части территории России проживали 21,8 % населения страны⁷³.

⁷⁰ Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org>

⁷¹ Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общей редакцией С.С. Сулакшина. 2-е изд. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. С. 76–78.

⁷² Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

⁷³ Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 20.

В 2010 г. в Сибирском федеральном округе проживали 19,3 млн. чел. (13,5 %), в Дальневосточном федеральном округе – 6,3 млн. чел. (4,4 %) ⁷⁴. По сравнению с данными 1989 г. численность населения регионов Сибирского федерального округа сократилась более чем на 7,5 %, а Дальневосточного – более чем на 19 %, в том числе в 2002–2010 гг. – на 4,0 % и 6,0 % соответственно. В целом по РФ в 2002–2010 гг. численность населения уменьшилась всего на 1,6 %, а это означает, что темпы депопуляции выше общероссийских в Сибирском округе в 2 раза, в Дальневосточном – в 3,5 раза.

Процессы сокращения численности населения Сибири и Дальнего Востока в XXI веке способны повлиять и на политическую идентичность россиян. Россияне все больше начнут отождествлять себя с Европой, испытывающей схожие демографические проблемы (сокращение численности населения, низкая рождаемость, старение населения, иммиграция). Во внешней политике это может выразиться в ослаблении интереса к азиатскому вектору российской геостратегии, а во внутренней политике – в усилении социально-экономического перекоса в развитии западной и восточной частей страны.

Влияние демографии в XXI веке отразится и на этноконфессиональной структуре населения России. По данным В.Я. Белокреницкого, численность мусульманского населения России в 1989–2002 гг. возросла с 11,8 млн. до 14,5 млн., а доля мусульман – с 8 % до 10 % соответственно, то есть каждый десятый россиянин – мусульманин ⁷⁵. По его мнению, среди 1,5 млн. россиян, которые во время переписи 2002 г. не указали свою национальность, могло быть до 0,5 млн. мусульман; кроме того, в стране легально и нелегально находились 4–5 млн. мигрантов-мусульман, не являвшихся гражданами России ⁷⁶. В итоге численность мусульман могла достигать 20 млн. человек. Причем, эти расчеты, выглядят ещё достаточно оптимистично. Например, по мнению Джеффри Саймона, сотрудника Университета национальной обороны США, к 2050 г. численность населения России может снизиться до 104,3 млн. человек, а мусульмане приблизятся к тому, чтобы стать большинством в стране ⁷⁷. Перепись населения 2010 г. подтвердила динамику увеличения мусульманского населения: доля мусульман среди постоянного населения уже превысила 10,5 %, и это без учета 5,6 млн. россиян, которые не сообщили переписчикам информацию о

⁷⁴ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

⁷⁵ Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 19.

⁷⁶ Там же. С. 20.

⁷⁷ См.: Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 40–54.

своей национальности, и нескольких миллионов мигрантов⁷⁸. В XXI веке удельный вес мусульман, очевидно, будет увеличиваться за счет более высоких показателей рождаемости в регионах с преимущественно мусульманским населением и вследствие миграционного прироста, который в значительной степени будет идти из Средней Азии (табл. 7).

Таблица 7

Мусульманское население России (оценки на перспективу, млн. чел.)*

Годы	Население, средний вариант А	Население высокий вариант Б	Мусульмане постоянные жители	Процент мусульман вариант А	Процент мусульман вариант Б
2005	144,0	144,0	15,2	10,6	10,6
2015	136,5	140,0	17,8	13,0	12,7
2025	128,2	135,6	20,9	16,3	15,4
2050	107,8	130,0	31,1	28,9	23,9

* Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. – 2008. – № 2. – С. 22.

В XXI веке этноконфессиональный состав РФ будет продолжать изменяться с учетом указанных тенденций. Также следует ожидать усиления роли исламского фактора во внутренней и внешней политике России, в частности укрепления ориентации на исламскую цивилизацию и на Европу, в населении которой также ожидается увеличение доли мусульман.

Говоря о населении России, следует упомянуть и об изменении его половозрастной структуры. Выразится это в старении населения, и в частности, в сокращении трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. По данным Росстата к 2030 г. численность трудоспособного населения уменьшится на 11,02 млн. чел. Вызвано это тем, что после 2010 г. 60-летний рубеж начнут пересекать многочисленные послевоенные поколения. Быстрое увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста повлечет за собой серьезные социально-политические трансформации, что найдет определенное отражение на электоральном поле России, ведь старшее поколение традиционно сильно прокоммунистическими симпатиями. Надежды некоторых политиков, что электорат КПРФ исчезнет «естественным путем» в этом смысле беспочвенны. Или, к примеру, по данным опросов в России среди тех, кто выступает за расширение полномочий местных властей, наибольшую долю составляют респонденты в

⁷⁸ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

возрасте 18–24 лет (44,0 %). Сокращение доли молодежи объективно будет способствовать усилению централистских тенденций в российском обществе. К концу 2010-х гг. страна также начнет испытывать дефицит призывников. Итогом станет, либо сокращение численности армии, что отразится на обороноспособности страны, либо увеличение числа контрактников, в том числе, путем привлечения к службе в рядах Вооруженных сил не-граждан РФ. На протяжении XXI века в России будет происходить и усиление «демографической нагрузки» на трудоспособное население⁷⁹. Суммарная демографическая нагрузка с уровня в 38,6 возрастет до 70,9 к 2060 г., причем демографическая нагрузка детьми вырастет на 37,0%, а демографическая нагрузка пожилыми людьми – на 139 %⁸⁰. См. табл. 8.

Таблица 8

Демографическая нагрузка в России в 2010–2100 гг.
(для среднего варианта демографического прогноза ООН) *

Демографическая нагрузка	Годы									
	2010	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080	2090	2100
Детьми	20,8	25,6	24,3	23,9	28,2	28,5	27,8	30,0	29,8	29,5
Пожилыми	17,7	22,5	29,4	31,2	38,5	42,4	36,9	38,4	39,6	38,5
Суммарная	38,6	48,1	53,7	55,1	66,7	70,9	64,7	68,4	69,4	68,0

* Составлена по материалам Электронной версии бюллетеня «Население и общество» – Приложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru>

К 2060 г. суммарная демографическая нагрузка увеличится практически в 2 раза, в большей степени за счет увеличения нагрузки пожилыми. Это приведет либо к масштабному сокращению военных расходов, что отразится на обороноспособности, либо к отказу от социального характера государства и к значительному свертыванию пенсионной системы, что способно спровоцировать социальный протест.

Компенсировать недостаток трудовых ресурсов можно за счет внешней миграции. Перепись 2010 г. выявила, что в 2002–2010 гг. в страну прибыло

⁷⁹ Группа показателей, характеризующих соотношение 3 возрастных групп – в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет), младше него и старше. Демографическая нагрузка детьми – соотношение численности населения в возрасте 0–14 лет и в возрасте 15–64 лет. Демографическая нагрузка пожилыми – соотношение численности населения в возрасте 65 лет и старше и в возрасте 15–64 лет. Суммарная демографическая нагрузка – сумма демографической нагрузки детьми и пожилыми; дается в расчете на 100 лиц трудоспособного возраста.

⁸⁰ Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org>

2939,2 тыс. мигрантов, т. е. в среднем более 360 тыс. человек ежегодно⁸¹. Но, по оценке Всемирного банка, для компенсации трудовых ресурсов России потребуется в ближайшие 20 лет ещё 12 млн. иммигрантов (600 тыс. чел. ежегодно), притом, что, по данным Фонда ООН в области народонаселения, доля мигрантов среди экономически активного населения на данный момент уже составляет около 10 %⁸². Таким образом, через 20 лет мигранты будут составлять до 20 % населения страны и, при этом, они будут концентрироваться в главных экономических центрах страны (Москва, Санкт-Петербург и т. д.). И это еще не самые большие цифры в оценке перспектив миграции в Россию⁸³.

Итогом станет нарушение этнического баланса в ряде регионов страны, что без сомнения отразится на состоянии национальной безопасности и социально-политической стабильности. Миграционные процессы могут стать и фактором формирования политической идентичности россиян, так как в миграционных потоках будут преобладать представители неславянских культур. В результате, на первое место выйдут задачи миграционной политики, пресекающие нежелательные миграционные потоки, и меры национальной и социальной политики, направленные на успешную интеграцию приезжих. Инокультурные миграционные потоки могут спровоцировать в российском обществе рост ксенофобии, что способно дестабилизировать социально-политическую ситуацию и угрожать российской государственности. Демографические характеристики, численность и состав мигрантов, а также половозрастная структура принимающего населения будут оказывать непосредственное влияние на уровень межэтнической напряженности. Особенно опасна тенденция формирования этносоциальной стратификации общества, то есть выстраивания социальной иерархии на основе этнической принадлежности.

Таким образом, демографические процессы в XXI веке, по-видимому, ослабят геополитические позиции России: она потеряет место в списке самых населенных стран мира, произойдет изменение стереотипов восприятия как внутри страны, так и за её пределами, усилится ориентация на европейскую и исламскую цивилизации. Демографические процессы приведут к изменению этнической структуры с тенденцией к уменьшению доли русских и увеличению числа мусульман, что отразится на внешне- и внутривнутриполитических процессах. Старение населения приведет к серьезному усилению демографической нагрузки пожилыми, что потребует пересмотра границ социальной ответственности

⁸¹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

⁸² Россия в цифрах // Коммерсант – власть. 2010. 29 марта. С. 10; Россия в цифрах // Коммерсант – власть. 2010. 5 апреля. С. 12.

⁸³ Глава Комитета Государственной Думы РФ Константин Косачев в интервью каналу «Россия-24» заявил, что через 40 лет в стране будут находиться 40 млн. мигрантов.

государства, а в сфере обороны – сокращения расходов на военную сферу. Будет также ощущаться и дефицит мобилизационных ресурсов. Значительную роль станут играть массовые инокультурные миграционные потоки. Они, с одной стороны будут главным источником улучшения демографических характеристик страны и, соответственно, ослабления негативного влияния демографии на политические процессы, а с другой стороны – станут фактором внутривнутриполитической нестабильности.

3.2. Демография и российская идентичность в XXI веке

Как указывалось выше, демографические и миграционные процессы являются фактором, в том числе, и идентификационных процессов. Остановимся на этом аспекте более подробно. Постсоветская российская идентичность в значительной степени определяется состоянием демографической сферы, поэтому представляется необходимым более подробно отразить возможный характер влияния демографических и миграционных процессов на формирование российской идентичности.

1. Сокращение численности населения России может вести к утрате идентификации как «великой державы». В 1960 г. Россия занимала 4-е место в мире по численности населения, а к 2008 г. – только 8-е⁸⁴. Эта тенденция сохранится в будущем. В этом случае, РФ по численности населения окажется позади нескольких десятков стран. На фоне миллиардного населения соседних Китая и Индии, стремительно растущего населения Черной Африки и увеличивающегося населения США и Канады, депопуляция в России способствует утрате имперских амбиций. Российскому обществу приходится осознавать, что Россия – это региональная держава. Между тем, имперская идея могла бы стать серьезной опорой формирования идентичности населения современной России.

2. Сокращение численности русских в РФ сдерживает формирование национально-государственной идентичности. В 1989 г. в РСФСР проживало 119,9 млн. русских. В 1989–2010 гг. доля русских в России сократилась с 81,5 % до 77,7 %⁸⁵. Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение их числа за 8 лет еще на 4 млн. чел.⁸⁶ Очевидно, что эта тенденция продолжится, в виду показателей смертности и рождаемости русских относительно других народов России, а также миграционных потоков. Россия, из страны с преобладающим русским

⁸⁴ Demographic Yearbook 2008. Sixtieth issue. New York: United Nations, 2010. 903 p.

⁸⁵ Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru>

⁸⁶ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

населением, может превратиться в страну, где русские будут лишь относительным большинством. В условиях, когда российская идентичность основывается, прежде всего, на русской культуре и русском языке, это может стать серьезным вызовом для стабильного социально-политического развития.

3. Сокращение численности населения в азиатской части страны ведет к утрате россиянами евразийской идентификации. В 1989 г. в азиатской части России проживали 21,8 % населения страны⁸⁷. На 2010 г. в Сибирском ФО проживает 19,2 млн. чел. (13,5 %), а в Дальневосточном ФО – 6,3 млн. чел. (4,4 %)⁸⁸. Причем, в 2002–2010 гг. население в Сибирском ФО сократилось – на 4,0 %, в Дальневосточном ФО – на 6,0 %, а в целом по РФ оно сократилось лишь на 1,6 %. См. табл. 9.

Дальнейшая депопуляция в азиатской части России, может спровоцировать появление в общественном мнении идеи о возможной утрате этих территорий в будущем. В сфере идентичности это может привести к утрате фундамента для «евразийской идеи», которая также могла бы стать одной из основ российской идентичности. Для русского народа является традиционным восприятие себя как евразийцев, как общества сочетающего в себе европейские и азиатские начала. Этот политико-исторический подход играет серьезную роль в государственной идеологии России с давних времен и сохраняет определенное значение до сих пор. Взять хотя бы двуглавого орла на государственном гербе современной Российской Федерации, который, как известно, означает единство Запада и Востока. Демографические тренды способны разрушить фундамент для подобной самоидентификации россиян.

⁸⁷ Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 20.

⁸⁸ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Таблица 9

Численность населения по федеральным округам Российской Федерации*

Территория	Все население, тыс. человек		В % от общей численности населения	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	145166,7	142905,2	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	38000,6	38438,6	26,2	26,9
Северо-Западный федеральный округ	13974,5	13583,8	9,6	9,5
Южный федеральный округ	13973,3	13856,7	9,6	9,7
Северо-Кавказский федеральный округ	8933,9	9496,8	6,2	6,6
Приволжский федеральный округ	31154,7	29900,4	21,5	20,9
Уральский федеральный округ	12373,9	12082,7	8,5	8,5
Сибирский федеральный округ	20062,9	19254,3	13,8	13,5
Дальневосточный федеральный округ	6692,9	6291,9	4,6	4,4

* Информационные материалы об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

4. *Изменение доли сельского населения оказывает влияние на формирование национально-государственной и региональной идентичностей.* Известно, что региональная политическая идентичность в большей степени развита у сельских жителей (40 % опрошенных соотносят себя, в первую очередь, с регионом и лишь 22 % опрошенных – со страной), в то время как жители обеих столиц (44 % опрошенных) и городов с населением свыше 1 млн. человек (35 % опрошенных) в первую очередь идентифицируют себя с Российской Федерацией⁸⁹. Поэтому, сокращение численности сельского населения РФ в 2002–2010 гг. с 26,7 % до 26,3 % должно стать позитивным фактором укрепления

⁸⁹ Баранов А.В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 260.

общероссийской идентичности. Тем более что реальная численность сельчан сократилась в большей степени, и компенсировало её лишь преобразование в 2002–2010 гг. 413 поселков городского типа в сельские населенные пункты. Численность же городского населения, проживающего в столицах и городах с населением свыше 1 млн. чел. сохранилась в 2010 г. на уровне 2002 г. – 40 %⁹⁰. Но, в разрезе федеральных округов, ситуации иная: в 2002–2010 гг. Южный, Уральский и Дальневосточный ФО наоборот продемонстрировали увеличение доли сельского населения (См. табл. 10).

Таблица 10

Доля городского и сельского населения по федеральным округам*

Федеральный округ	2010 г.		2002 г.	
	городское	сельское	городское	сельское
Российская Федерация	73,7	26,3	73,3	26,7
Центральный федеральный округ	81,3	18,7	79,9	20,1
Северо-Западный федеральный округ	83,5	16,5	82,3	17,7
Южный федеральный округ	62,4	37,6	62,9	37,1
Северо-Кавказский федеральный округ	49,1	50,9	49,0	51,0
Приволжский федеральный округ	70,8	29,2	70,8	29,2
Уральский федеральный округ	79,9	20,1	80,7	19,3
Сибирский федеральный округ	72,0	28,0	71,1	28,9
Дальневосточный федеральный округ	74,8	25,2	75,9	24,1

* Информационные материалы об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Если же рассмотреть ситуацию по регионам страны, то можно отметить, что наибольшая доля сельского населения наблюдается в национально-территориальных образованиях Южного федерального округа: Республика Адыгея (49 %), Республика Калмыкия (55,9 %); Северо-Кавказского федерального округа: Республика Дагестан (54,5 %), Республика Ингушетия (61,7 %), Кабардино-Балкарская республика (45,5 %), Карачаево-Черкесская республика (57,7 %), Чеченская республика (65 %); Сибирского федерального округа: Республика Алтай (72,4 %), Республика Тыва (46,9 %). При этом Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия продемонстриро-

⁹⁰ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

вали даже увеличение доли сельского населения по сравнению с переписью 2002 г. С учетом того, обстоятельства, что в национально-территориальных образованиях региональная идентичность усиливается собственной этнической идентичностью, этот факт не может не вызывать пристального интереса федеральных властей. К тому же, мы наблюдаем, усиление региональной идентичности в регионах, где в XXI веке власть федерального центра будет объективно слабеть вследствие вышеперечисленных социально-демографических факторов. Все это также способно стать серьезным препятствием для укрепления гражданской идентичности в стране.

5. *Увеличение численности мусульман, вследствие высокой рождаемости и миграции, отразится на формировании общероссийской идентичности.* Доля мусульман в РФ в 1989–2002 гг. увеличилась с 8 % до 10 %⁹¹. Перепись населения 2010 г. подтвердила эту динамику: доля мусульман среди постоянного населения уже превысила 10,5 %, и это без учета 5,6 млн. россиян, не указавших свою национальность, и нескольких миллионов мигрантов⁹². Общая численность последователей ислама в нашей стране уже сейчас может достигать 20 млн. чел., а к середине XXI в. они могут составлять до 1/3 населения России. В XXI в. численность мусульман продолжит расти в силу более высоких показателей рождаемости в регионах, население которых исповедует ислам (Чечня, Дагестан), и в связи с миграционными потоками из стран Средней Азии. Серьезное изменение национально-конфессионального состава РФ в XXI в. приведет к усилению в идентичности россиян значения характеристики «многонациональный и многоконфессиональный народ», иными словами будет ослабевать «русская основа нации». Изменится и идентификация российских мусульман, которые увидят в своем лице вторую по численности группу и одну из основ российской государственности. Увеличение доли мусульман выразится в постепенном изменении состава российских элит и в усилении ориентации на страны растущей мусульманской цивилизации. Все это может привести к формированию новой идентификации России как «евроисламского государства» – моста между христианским и мусульманским миром. В тоже время, для укрепления российской гражданской идентичности важно победить в борьбе за умы российских мусульман, ведь если возобладают идеи «исламского халифата», то это будет означать фактический крах российской гражданской идентичности.

Подводя итог, следует отметить, что процессы идентификации чрезвычайно сложны и многообразны, их невозможно свести к определенной схеме,

⁹¹ Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 19.

⁹² Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

но, указанные примеры, позволяют продемонстрировать, что демография может выступать важным фактором формирования российской идентичности.

3.3. Демографические процессы как фактор возникновения этнополитических конфликтов в России

Этнополитические конфликты становятся одним из важнейших явлений современных политических процессов во всех регионах мира. Среди множества факторов, влияющих на возникновение и протекание этнополитических конфликтов, немаловажное место занимает демографический фактор, причем в ряде случаев он оказывает решающее воздействие на возникновение этноконфликта. Под демографическим фактором понимается совокупность процессов естественного и механического движения населения, формирующих конфликтотенный потенциал в сфере межэтнических отношений или провоцирующих открытое межэтническое противостояние в определенной стране, регионе, местности. Следует отметить, что демографические процессы формируют условия для возникновения межэтнического напряжения, которое при наличии других факторов (экономических, социальных и политических) и соответствующего повода может перерасти в этнический или этнополитический конфликт.

Необходимо отметить, что по вопросу о форме проявления демографического фактора в российской политической науке существует ряд подходов. По мнению В.Н. Коновалова и Х.М. Маджида, следует выделять социально-экономические, политико-правовые, исторические, культурные, психологические, экологические причины этнических конфликтов. Социально-экономические причины сводятся к стремлению различных этногрупп получить статус субъекта экономических отношений, доступ к ресурсам и контроль над ними, и к их числу они относят такие демографические факторы, как уменьшение продолжительности жизни, высокий уровень детской смертности и т. д.⁹³

А.П. Садохин, среди причин этнических конфликтов в бывшем СССР и нынешнем постсоветском пространстве, называл т. н. «этнодемографические причины»: быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграции и различий в уровне естественного прироста населения⁹⁴. Кроме того, он перечисляет ряд причин возникновения этноконфликтов, которые также можно считать имеющими «демографическую подоплеку»:

⁹³ Коновалов В.Н. Теоретико-методологические аспекты анализа этнонационального конфликта / В.Н. Коновалов, Х.М. Маджид / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 29–30.

⁹⁴ Садохин А.П. Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 230.

– в результате многочисленных миграций населения изменялись границы расселения этносов и государств;

– модернизация и интеллектуализация народов приводит к тому, что в престижных видах деятельности возникает конкуренция между титульными и основными этносами, представители титульных этносов начинают претендовать на престижные и привилегированные места, в том числе во власти;

– разделение труда между этническими группами, в результате чего складывается конкуренция между сферами труда, которая может переноситься и на сами этнические группы⁹⁵.

Этнический конфликт, по мнению А.П. Садохина, может проявляться и в виде т. н. «начавшейся этноизбирательной миграции из региона, которую общественное мнение данной группы определяет как «исход», «массовое переселение» и т. п., и которая существенно изменяет местный этнодемографический баланс в пользу остающихся этнических групп». Когда появляются политические силы декларирующие необходимость изменения сложившегося положения в интересах указанной этнической группы и начинаются спонтанные акции протеста, то можно говорить о начале этнического конфликта⁹⁶.

Таким образом, под влиянием демографического фактора на этнополитические конфликты, следует понимать, особенности естественного и механического движения определенных этнических групп в конкретном микро- или макрорегионе, которые провоцируют межэтническое напряжение, находящее свое выражение в этнополитическом противостоянии. К формам проявления демографического фактора можно отнести изменение (или угрозу изменения) этнодемографического баланса в результате миграций и (или) различий в структуре естественного воспроизводства в конкретной стране, регионе, местности. Причем миграции, провоцирующие конфликт, могут быть направлены как в регион, так и из него. Важное значение здесь также имеют: интенсивность миграционных потоков и число накопленных в стране мигрантов, а также этническая, языковая, религиозная и культурная характеристика мигрантов. Но, миграции и перемещения выступают важнейшим фактором этнополитических конфликтов только в условиях недостатка ресурсов и неудовлетворенности основных экономических, социокультурных и политических интересов населения. Это провоцирует в обществе поиск «виноватых» и ими оказываются этнические «чужие».

Процессы естественного движения, влияющие на возникновение этнического конфликта, могут выражаться как в росте, так и в сокращении рождаемости, смертности, продолжительности жизни, изменении возрастно-половой структуры населения. Но, такое изменение должно существенно влиять на эт-

⁹⁵ Там же. С. 228–230.

⁹⁶ Там же. С. 232–233.

нодемографический баланс в регионе, угрожать властному или ресурсному потенциалу определенной этнической группы. Если все представленные в регионе этнические группы демонстрируют схожие или сопоставимые тенденции в естественном движении, то эти процессы, как правило, не провоцируют этноконфликт. Налагаясь же на ситуацию социальной напряженности (усиление конкуренции в сфере труда, падение качества жизни и т. д.) в результате кризиса, воздействие демографического фактора на возникновение конфликта резко возрастает.

Возможными проявлениями демографического фактора межэтнической напряженности, на взгляд автора, могут являться:

– Процессы территориальной концентрации нации, сопровождающиеся процессами ассимиляции и интеграции других этнических групп, которые особенно активно идут в ряде постсоветских республик. Например, в Казахстане в 1990–2000-е гг. активно реализовывалась политика возвращения соотечественников-оралманов. Она привела, с одной стороны, к росту численности казахов в Казахстане с 6,5 млн. в 1989 г. до 9,3 млн. в 2007 г. и доли казахов в населении страны – с 44 % до 59,8 %, а с другой стороны, к массовому оттоку неказахского населения из республики⁹⁷. Переезд 300–400 тыс. оралманов вызвал определенную напряженность в Республике Казахстан, причем даже в среде этнических казахов⁹⁸.

– Конкуренция за власть элитных групп в полиэтничных обществах. Такие претензии, как правило, обосновываются изменением численности этнической группы. Например, в Дагестане существует система негласного этнического и территориального квотирования при распределении руководящих должностей во властных структурах и учреждениях республики между 14 этносами, конституирующими республику⁹⁹. Подобная система отводит важную роль демографическим процессам, поскольку различия в воспроизводстве разных этносов или, даже, банальные махинации во время переписи населения, могут нарушить этнодемографический баланс и спровоцировать этнополитический конфликт. Хорошо известен печальный пример Ливана, в котором этнорелигиозный конфликт в 1974 г. во многом был спровоцирован демографическим фактором (различные темпы прироста христианского и мусульманского населения) и социально-экономическим неравенством христиан и мусульман.

⁹⁷ Шустов А. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 3. С. 96–97.

⁹⁸ Алексеенко А. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Россия и мусульманский мир. 2012. № 3. С. 105–124.

⁹⁹ Адиев А.З. Особенности национального квотирования в органы власти Республики Дагестан / Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития: сб. материалов межд. научно-пр. конф. 11–12 марта 2009 г. Выпуск 2. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. С. 216–220.

– Массовые миграционные потоки, носящие взрывной характер, часто провоцируют межэтническое напряжение, способное под влиянием ряда других факторов социально-экономического и культурного характера, перерасти в этнополитический конфликт. Подобные миграционные процессы сегодня имеют место во многих регионах Российской Федерации. В ряде регионов этнические миграции уже привели к существенному изменению этнического баланса: в Москве, Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской области, Саратовской области, дальневосточных регионах. В Саратовской области, по данным В. Динеса и А. Николаева, удельный вес русских составляет около 80 %, но в двух районах, пограничных с Казахстаном, русские уже в меньшинстве, а в 17 населенных пунктах области большинством являются чеченцы; в Ровенский район Саратовской области в 2004 г. переселились из Киргизии 30 дунган, а через пять лет в районе их уже проживало более 2000 человек¹⁰⁰. Из-за стремительного роста, в основном вследствие миграций, численности некоторых этнических групп (армян, турок-месхетинцев, представителей других закавказских и северокавказских народов), создается прямая угроза «балканизации» Ростовской области. Причем, активно происходит расселение мигрантов в традиционно моноэтнических сельских районах. Так, по данным Г.С. Денисовой, численность армян в Ростовской области увеличилась в 1989–2002 гг. с 62,5 тыс. чел. до 145,5 тыс. чел., места их расселения – с 2 районов до 16 районов, а численность представителей других народов Кавказа увеличилась за этот же период от 1,5 до 7 раз¹⁰¹. Схожая картина наблюдается в Ставропольском крае, куда за последние 20 лет прибыло около 1 млн. мигрантов из Чечни, Ингушетии, Армении, Азербайджана, Грузии, среднеазиатских республик и Казахстана при общей численности населения края в 2,72 млн. чел. В Краснодарский край за это же время прибыло более 1 млн. армян, азербайджанцев, грузин, крымских татар, греков, турок-месхетинцев, причем армяне, численность которых составляет уже около 300 тыс. чел., стали второй после русских этнической группой в регионе. Подобные массовые миграции могут порождать рост цен на недвижимость, обострение конкуренции на рынке труда, ведут к снижению уровня жизни в регионе, вызывают перегрузку системы образования и медицины. Миграционные потоки нарушают устоявшееся этническое разделение труда, вызывают страх перед ассимиляцией и утратой этнической идентичности, провоцируют обострение этнической конкуренции в борьбе за власть и ресурсы.

¹⁰⁰ Динес В. Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации / В. Динес, А. Николаев // Власть. 2010. № 12. С. 5–6.

¹⁰¹ Денисова Г.С. Формирование региональной идентичности как стратегия стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области / Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III межд. конгресса конфликтологов. Т. 2. Казань: КГТУ, 2010. С. 71–72.

Причем, свое выражение в форме этнополитического конфликта демографические процессы могут найти и по прошествии десятилетий. Например, современный этнополитический конфликт в прибалтийских республиках обусловлен массовыми миграционными процессами в советское время. Так, за 1959–1989 гг. численность увеличилась: в Литве русских – с 231 тыс. до 344 тыс. чел. (на 49 %), литовцев – с 2151 тыс. до 2924 тыс. (на 36 %); в Латвии русских – с 556 тыс. до 905 тыс. чел. (на 63 %), латышей – с 1298 тыс. до 1388 тыс. (на 7 %); в Эстонии русских – с 240 тыс. до 475 тыс. (на 98 %), эстонцев – с 893 до 963 тыс. (на 8 %)¹⁰². Взрывной рост численности русского населения в течение всего двух демографических поколений спровоцировал среди местного населения страх утраты собственной идентичности. В сочетании с непродуманной культурной политикой это стало одной из главных причин резкого обострения межнациональных отношений в конце 1980-х – 2000-е гг.

– Неравенство этносов в полиэтнических государствах, которое, прежде всего, обусловлено численностью этносов и этнических групп. Например, Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию многонациональным государством, но при этом даже такие крупные этносы и этнические группы как татары, украинцы не обладают равными возможностями по сравнению с русским этносом, не говоря уже о политическом потенциале т. н. «малых народов». Подобная ситуация наблюдается в Украине в отношении русского населения, а также в некоторых других государствах бывшего СССР.

– Распространение этносоциальной стратификации общества, особенно в России, тоже порождает межэтническое напряжение. Например, выходцы с Кавказа доминируют в сфере розничной торговли и общепита, выходцы из республик Средней Азии – в сфере строительства, жилищно-коммунального хозяйства, внутригородского транспорта и т. д.

Говоря о характерных особенностях влияния демографического фактора необходимо назвать его относительное постоянство. Миграционные потоки, как правило, обладают определенной стабильностью, а тренды естественного движения достаточно инертны и, чаще всего, меняются в течение не менее чем 1–2 демографических поколений. С той точки зрения, что фон для этнической напряженности формируют демографические процессы, а, как известно, демографические тенденции отличаются относительным постоянством, то, можно утверждать, что одномоментно полностью исключить демографические предпосылки для рецидива этноконфликта крайне сложно, даже после его принудительного погашения.

Еще одной особенностью влияния демографического фактора является прямая зависимость между уровнем рождаемости, возрастной структурой насе-

¹⁰² Демография: современное состояние и перспективы развития / Н.В. Зверевой. А.Я.Кваши, В.И. Козлова; Под ред. Д.И. Валентя. М.: Высш. шк., 1997. С. 88.

ления и конфликтогенным потенциалом данной демографической структуры. Вероятность социальной напряженности резко возрастает при сохранении высокой рождаемости, обуславливающей формирование молодой возрастной структуры населения. Эта ситуация характерна для развивающихся стран, где доля населения в возрасте до 15 лет составляет 30 % и более. Демографический фактор, увеличивая масштабы аграрного перенаселения, усиливает отток сельской молодежи в города. Значительная масса мигрантов – это молодежь в возрасте 15–29 лет, которая часто не имеет профессиональной подготовки и не обладает специальностями, в которых бы нуждалось городское хозяйство. Миграция сельского населения в города способствует процессу пауперизации¹⁰³. Если же миграционные потоки при этом обладают этническими отличиями от принимающего населения и нарушают этнодемографический баланс в регионе, то межэтническая напряженность практически неизбежна. Таким образом, этнополитический конфликт провоцируется не столько ростом численности населения, сколько увеличением доли лиц молодого возраста. Для возникновения этнополитического конфликта население должно быть «молодым», потому что именно молодежь наиболее агрессивна, склонна к поддержке радикальных идей и готова к активным действиям. Так, по данным социологического исследования Л. Дробижевой, сторонников силовых действий в сфере межэтнических отношений в российском обществе больше среди молодежи: среди тех, кому 18–25 лет таковых 46 %, а среди тех, кому 50 лет и старше – только 36–37 %¹⁰⁴.

Еще одной особенностью влияния демографического фактора является то, что эпицентром этнополитического конфликта, как правило, становятся городские местности, как очаги скопления разноэтничного населения, территории его активного пересечения и тесного взаимодействия. Для подобной концентрации населения необходимо наличие постоянного и достаточно мощного притока населения из сельской местности, то есть уровень рождаемости в сельской местности должен поддерживаться на высоком уровне.

Изменение этнодемографической структуры населения отдельных регионов нередко провоцирует этнополитические конфликты не только в этом регионе, но и в стране в целом. Например, отток русского населения с территории ряда субъектов РФ (Чечня, Дагестан, Ингушетия) в значительной степени провоцирует в стране лозунг «Хватит кормить Кавказ!». Депопуляция русского этноса при одновременном росте численности титульного населения в большинстве республик Северного Кавказа, провоцирует определенное межэтническое напряжение (см. Табл. 11). Если бы население в республиках Северного Кавка-

¹⁰³ Современная демография / под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 41.

¹⁰⁴ Дробижева Л. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Россия и мусульманский мир. 2012. № 4. С. 47–48.

за было бы преимущественно, или в значительной степени, русским, наверно, этот лозунг в политическом дискурсе российского общества вообще бы не присутствовал.

Таблица 11

Доля русского населения в национально-территориальных образованиях в Северо-Кавказском федеральном округе (1989–2010 гг.)*

Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Кабардино-Балкария	31,9	25,1	22,5
Республика Ингушетия	23,1	1,2	0,8
Республика Дагестан	9,2	4,7	3,6
Республика Карачаево-Черкесия	42,4	33,6	31,3
Чеченская Республика	23,1	3,7	1,9

* Составлена автором по данным сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

С другой стороны, сокращение численности титульной национальности в отдельных субъектах РФ (Карелия, Удмуртия, Коми, Еврейская автономная область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО) ставит на повестку вопрос о целесообразности сохранения этих национально-территориальных образований. Обусловлена эта идея также этнодемографическими процессами. Реализация же указанного проекта может, в свою очередь, запустить механизм межнационального конфликта в масштабах всей федерации, так как ликвидация отдельных национально-территориальных субъектов может стать опасным прецедентом.

По мнению Л.Б. Внукова, демографические факторы непосредственно влияют на возможности реализации и обеспечения достойного уровня жизни населения, что может являться одной из причин социально-политической напряженности или «латентного конфликта»¹⁰⁵. Старение населения, на наш взгляд, тоже способно породить этнополитическую напряженность, т. к. как рост доли лиц старше трудоспособного возраста будет сопровождаться, в силу демографических тенденций, увеличением в нем доли русского населения, в то время как доля населения старше трудоспособного возраста в национальных республиках Северного Кавказа, вследствие относительно высокой рождаемости будет существенно ниже. Может ли этот фактор провоцировать этнополи-

¹⁰⁵ Внуков Л.Б. Методологические аспекты анализа взаимодействия факторов социально-политической напряженности (на примере Северного Кавказа) / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практ. конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 59–60.

тическую напряженность в российском обществе? Автору представляется, что вероятность развития подобной ситуации достаточно высока.

С другой стороны рост численности трудоспособного населения также может провоцировать этнополитический конфликт. К примеру, основной предпосылкой этнополитического конфликта в Ферганской долине в 1989 г. послужил рост численности трудовых ресурсов. В 1980-х гг. в среднем ежегодно трудовые ресурсы в Ферганской долине увеличивались на 22,4 тыс. чел.¹⁰⁶, что в условиях социально-экономического спада провоцировало социально-экономическую напряженность, которая находила свое выражение в росте межнациональной вражды. Условно говоря, в РСФСР в 1959-1989 гг. численность и доля населения в возрасте 20–24 года уменьшились, а в Узбекистане – они выросли почти в 3 раза¹⁰⁷. Таким образом, фактором этнополитического конфликта могут служить не только различия в воспроизводстве различных этнических групп, но и просто высокий уровень воспроизводства населения, отягощенный социально-экономическими трудностями. В этом случае, уже не играет роли факт наличия языковых, культурных и конфессиональных различий, которых между узбеками и турками-месхетинцами было минимальное число.

Различия в уровне рождаемости и смертности разных этнических групп внутри страны также могут порождать этнополитические конфликты, если эти различия носят негативный характер и касаются этнического меньшинства. Причина в том, что эти особенности процессов естественного воспроизводства могут быть истолкованы как систематическая политика государства или этнического большинства в отношении других этнических групп.

Подводя итог, следует отметить, что роль и значение демографического фактора в генезисе и протекании этнических и этнополитических конфликтов признается многими исследователями. Демографический фактор имеет, как показывает опыт, множество вариантов выражения. Серьезную проблему в его исследовании представляет отсутствие методологических подходов и приемов для анализа роли демографических и миграционных процессов в генезисе и протекании этнополитических конфликтов. Учет же влияния демографического фактора дает возможность, если не прекратить этнический конфликт, то хотя бы не допустить его эскалации и перерастания в этнополитический конфликт.

¹⁰⁶ Назаров Р.Р. Ферганский межэтнический конфликт 1989 г.: предпосылки, ход. Последствия / Р.Р. Назаров, С.К. Ганиев / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 22–23 марта 2012 г. Казань: КНИТУ, 2012. С. 313–314.

¹⁰⁷ Демография: современное состояние и перспективы развития / Н.В. Зверевой. А.Я.Кваши, В.И. Козлова; Под ред. Д.И. Валентя. М.: Высш. шк., 1997. С. 87.

Вопросы для самоконтроля к разделу

1. Какие политико-демографические вызовы стоят перед Российской Федерацией на современном этапе?
2. В чем проявлялось влияние демографического фактора на политическое и социально-экономическое развитие Российской Федерации в начале XXI века?
3. Какие последствия имеет «старение» населения для политического и экономического развития Российской Федерации в XXI веке?
4. Дайте оценку возможным политическим последствиям демографических вызовов Российской Федерации к середине XXI века?
5. Какое воздействие оказывают демографические процессы на возникновение и протекание этнополитических конфликтов?

РАЗДЕЛ 4. МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ

4.1. Социально-политические риски миграционных процессов в современной России

Социально-политическое развитие Российской Федерации в XXI веке в значительной степени будет обусловлено миграционными процессами. Продолжающаяся демографическая депопуляция России, а также значительное сокращение трудовых ресурсов в ближайшее время (ежегодно Россия будет терять до 1 млн. трудоспособного населения в год в течение ближайших 10–12 лет), приведут к возрастанию роли и значения иммиграционных процессов. К 2060 г. суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население увеличится в России практически в 2 раза с 38,6 на 100 человек трудоспособного возраста до 70,9¹⁰⁸. Миграция призвана смягчить негативные последствия демографических процессов в XXI веке. Поэтому, массовые миграции практически неизбежны для нашей страны.

Относительно требуемой численности мигрантов позиции различаются. По подсчетам Л.Л. Рыбаковского, для поддержания нынешней численности населения России необходимо до 2025 г. ежегодно принимать около 490 тыс. мигрантов¹⁰⁹. А.Г. Вишневский считает, что для сохранения численности населения России на нынешнем уровне необходимо наращивать привлечение иммигрантов, причем после 2025 г. их число должно превышать 1 млн. чел. ежегодно¹¹⁰. По оценке Всемирного банка, для компенсации трудовых ресурсов России необходимо в ближайшие 20 лет не менее 600 тыс. чел. в год¹¹¹. «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.» предполагала обеспечить на период до 2015 г. миграционный прирост в год на уровне не менее 200 тыс. чел., а в 2016–2025 гг. – более 300 тыс.¹¹²

Сколько же сейчас мигрантов в России? Всероссийская перепись 2010 г. выявила, что в 2002–2010 гг. в страну въехало 2939,2 тыс. мигрантов (в сред-

¹⁰⁸ Электронная версия бюллетеня «Население и общество» – Приложения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru>

¹⁰⁹ Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет: доклад на Ученом совете ИСПИ РАН 25.01.2006 г. // Фонд исторической перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/demo/strateg_demogr_razvitiya.htm

¹¹⁰ Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии // ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/12/23/vishnevsky>

¹¹¹ Россия в цифрах // Коммерсант – власть. 2010. 29 марта. С. 10.

¹¹² Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. // Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rost.ru>

нем прибывало более 360 тыс. чел. ежегодно)¹¹³. По данным Фонда ООН в области народонаселения, доля мигрантов среди экономически активного населения России составляет около 10 %¹¹⁴. Учитывая запланированные темпы миграционного прироста, через 20 лет мигранты будут составлять до 20 % населения страны и, при этом, они будут сконцентрированы в ее главных экономических районах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т. д.). Один только проект «Большой Москвы» по оценкам демографов приведет к дополнительному притоку в мегаполис 2–3 млн. чел., среди которых значительную долю будут составлять внешние мигранты. При таком уровне иммиграции очень быстро изменится этнический и социальный состав населения страны. К середине века мигранты и их потомки могут составлять свыше трети населения страны, а к концу века – больше половины. К этому нужно добавить, что перепись 2010 г. зафиксировала факт, что 11,2 млн. жителей России родились за границей. Конечно, среди этого накопленного числа мигрантов значительную часть составляют лица, переехавшие в Россию из союзных республик во времена СССР и, тогда, это были не внешние, а внутренние мигранты, но часть – около 7 млн. чел. – это лица, прибывшие в Россию уже после 1991 г.

Очевидно, что массовой иммиграции России не избежать. Если бы не было массовой миграции в 1990–2000-е гг. численность населения России была бы на 7–8 % ниже (примерно 135–136 млн. чел.), на 3–4 % была бы выше доля российских пенсионеров. Дальнейшее позитивное демографическое и экономическое развитие России однозначно обусловлено миграционным притоком населения, причем, следует отдавать себе отчет в том, что это будет в своей массе инокультурная и иноязычная миграция, поскольку ресурсы привлечения соотечественников из стран ближнего зарубежья в значительной степени уже исчерпаны. Поэтому, необходимо адекватно представлять возможные угрозы и риски, которые несет в себе такая иммиграция.

В этой связи важно рассмотреть концептуальные основы миграционной политики в Российской Федерации, в том числе рассмотреть предполагаемые риски внешней миграции. «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.», утвержденная Указом Президента РФ от 13.06.2012 г., перечисляла следующие возможные социально-политические риски миграционных процессов:

1. Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств - участников Содружества Независимых Государств, по сравне-

¹¹³ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

¹¹⁴ Россия в цифрах // Коммерсант – власть. 2010. 5 апреля. С. 12.

нию с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки.

2. Происходит изоляция мигрантов от принимающего социума, ведущая к социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

3. Нарастание негативного отношения к мигрантам, в том числе рост ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости¹¹⁵.

На наш взгляд, указанный перечень угроз внешней миграции чрезвычайно ограничен и не отражает всей полноты возможных рисков.

Последняя, по времени появления, концепция («Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»), была утверждена Указом Президента Российской Федерации 31 октября 2018 г.¹¹⁶ Она носит не концептуальный, а скорее «инструментальный» характер и, практически, не акцентирует внимание на возможных рисках миграционных процессов.

В новой Концепции, в отличие от предыдущих Концепций (2003 и 2012 гг.), декларируется вспомогательный характер миграции в преодолении депопуляции, указывается на необходимость обеспечения притока, в первую очередь, соотечественников, на селективный отбор мигрантов, на дифференцирование миграционной политики в отношении долгосрочных мигрантов и временных трудовых мигрантов. Целью миграционной политики провозглашается «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода».¹¹⁷ Указывается, что миграционная политика должна быть, в первую очередь, направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества. При этом от временных мигрантов уже не требуют интегрироваться в российское обще-

¹¹⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. // Сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://президент.рф/acts/15635>

¹¹⁶ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Сайт Администрации Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>

¹¹⁷ Там же.

ство, а лишь возлагают требования соблюдать законодательство Российской Федерации, бережно относиться к ее окружающей среде и природным ресурсам, материальным и культурным ценностям, уважать многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни российского населения¹¹⁸.

Подобный «инструментальный» подход новой концепции представляется автору не совсем верным. Для стабильного развития российского общества необходимо четко представлять возможные социально-политические риски миграционных потоков. По мнению автора, они могут заключаться в следующем:

1. *Иммиграционные потоки идут из стран со сложной экономической и санитарной обстановкой.* Этот тезис не нуждается в комментариях, так как в странах исхода мигрантов (как ближнего, так и дальнего зарубежья) в последнее время наблюдались вспышки эпидемий как новых заболеваний, вроде «птичьего гриппа», так и касалось бы уже забытых, к примеру, холеры.

2. *В приграничных районах России интенсивно формируются иностранные общины, особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Кавказа.* По сравнению с данными 1989 г. численность населения Сибирского ФО сократилась более чем на 7,5 %, а Дальневосточного – более чем на 19 %, в том числе в 2002–2010 гг. на 4,0 % и 6,0 % соответственно¹¹⁹. Эти показатели выше общероссийских в Сибирском ФО в 2 раза, в Дальневосточном – в 3,5 раза. Сокращение численности объясняется, прежде всего, внутренней миграцией населения – т. н. «западный дрейф». Однако, важнее то, что убывающее население замещают мигранты, создавая тем самым угрозу сепарации этих территорий в будущем. Недавняя история показывает нам печальный пример края Косово, заселенного албанскими мигрантами в течение второй половины XX века и, в итоге, утраченного Сербией. По расчетам известного синоведа В. Гельбраса в 2001 г. на территории России находились от 200,0 до 450,0 тыс. китайцев¹²⁰. Цифра вроде бы незначительная, но если сравнить ее с численностью китайцев во всем СССР в 1989 г. (20,0 тыс. чел.), то она впечатляет – рост за 10 лет в 10–20 раз. По некоторым оценкам к середине века численность китайских мигрантов может составить в России от 7 до 10 млн. вместо нынешних 0,5 млн., а тогда они станут второй по численности

¹¹⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Сайт Администрации Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>

¹¹⁹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 20.

¹²⁰ Гельбрас В. Китайцы в России: сколько их? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php>

национальностью на территории РФ, опередив татар. Учитывая, что значительная часть китайских мигрантов концентрируется сейчас в Дальневосточном ФО, подобный процесс может иметь самые плачевные последствия для сохранения российского контроля над этим пространством. Кстати, «Концепция государственного регулирования миграционных процессов в РФ до 2025 г.» отмечала эту угрозу и предполагала к 2016 г. приостановить отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а к 2026 г. – обеспечить миграционный приток в эти районы¹²¹.

3. *В результате иммиграции изменяется этническая структура населения страны в целом, и ряда субъектов РФ, в частности.* Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. являются основным источником информации о численности и составе мигрантов, хотя они не всегда являются полными и точными. Например, Д. Богоявленский отмечает, что по данным переписи доля русских в Москве выросла (для указавших национальность) с 88,4 % в 2002 г. до 91,7 % в 2010 г., но простой взгляд на московскую улицу говорит об обратном¹²². Но и эти, далеко не полные, данные переписи дают возможность указать на существенный прирост численности некоторых среднеазиатских народов. В частности, в период с 2002 по 2010 гг. численность киргизов выросла с 31,8 тыс. до 103,4 тыс. (или на 225,1 %), узбеков – с 122,9 тыс. до 289,9 тыс. (или на 135,8 %), таджиков – с 120,1 тыс. до 200,3 тыс. (или на 66,7 %). При этом по переписным данным прирост этих трех народов составил более 300 тыс. чел., а по данным текущего учета межстрановой миграции из этих стран в 2002–2010 гг. прибыло почти полмиллиона человек.

Изменение этнодемографической структуры России вследствие миграции происходило и в 1990-е гг. Например, сейчас в России проживают крупные диаспоры армян (1182,4 тыс.), азербайджанцев (603,1 тыс.), корейцев (153,2 тыс.), турок (109,8 тыс.), китайцев (почти 0,5 млн.). Причем численность армян в России в 1989 г. составляла 532,0 тыс., азербайджанцев – 335,9 тыс., корейцев – 107,0 тыс., китайцев – менее 20 тыс., а турок – всего 9,9 тыс., чел.¹²³

Перепись 2010 г. показала, что в целом для всех мигрантов центрами концентрации являются Москва, Санкт-Петербург, Московская и Тюменская, Самарская и Волгоградская области. Кроме того, закавказские народы и корейцы плотнее расселены в Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, а среднеазиатские мигранты – в промышленных обла-

¹²¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. // Сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://президент.рф/acts/15635>

¹²² Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema04.php>

¹²³ Там же.

стях Урала и Сибири. Из областей Поволжья среднеазиатские народы больше сконцентрированы в Татарстане и Башкортостане. По мнению автора, нарушение этнического баланса в ряде регионов страны может отразиться на состоянии национальной безопасности и социально-политической стабильности.

4. *Массовая миграция иностранных граждан из государств Закавказья и Центральной Азии создает потенциальную базу для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма.* Религиозный экстремизм в 1990–2000-е гг. уже проявил себя в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Киргизии. Вместе с мигрантами на территорию России проникают и представители экстремистских и террористических организаций. Сами же мигранты могут, в силу социальной отчужденности и сегрегации, превратиться в удобную среду для распространения подобных идей в России. В ряде случаев мигранты уже становились организаторами или исполнителями террористических актов на территории РФ.

5. *Среди иностранных работников, используемых в России, велика доля нелегальных мигрантов, что благоприятствует развитию теневой экономики.* Существенную угрозу социально-политической стабильности несет миграция и в виде т. н. «ловушки бедности». Бедность – это, в первую очередь, дефицит возможностей. Большинство нелегальных мигрантов – это лица с низкими доходами, что в свою очередь ведет к недостаточному питанию, тяжелым жилищным условиям, низкому уровню образования, а как следствие – к плохому здоровью. Нелегальные мигранты, которые находятся в России, не имея необходимых документов, сталкиваются с серьезными ограничениями. Причем, особенно от этого страдают женщины и дети, которые часто не могут воспользоваться системой медицинского обеспечения, системой образования.

6. *Легальные и нелегальные трудовые мигранты занимают рабочие места россиян, что вызывает социальную напряженность на определенных территориях.* У мигрантов нет высоких требований к оплате труда, экологии, безопасности и режиму труда. Тем самым активное присутствие мигрантов с низкими запросами на рынке труда ведет к деградации социально-трудовых отношений и норм, принятых в российском обществе. В тоже время, нацеленные на постоянное жительство в России, мигранты перевозят сюда свои семьи, что усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру конкретного муниципалитета и региона. Таким образом, характеристики – численность и состав мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень, а также половозрастная структура, оказывают непосредственное влияние на уровень социальной напряженности в каждом регионе. Часто временная трудовая миграция превращается в постоянную проблему. Здесь уместно вспомнить опыт ФРГ, принявшей в 1960-х гг. несколько миллионов временных турецких рабочих сроком всего на 2 года!

7. *Изоляция мигрантов от принимающего социума, ведет к их социальной исключенности, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов, живущих по своим правилам и законам.* В условиях массовой миграции отторжение этнически и культурно чуждых мигрантов может привести к серьезным социально-политическим конфликтам. Если мигранты не будут включены в российское общество, они начнут воспроизводить собственную политическую идентичность, скорее всего связывая и идентифицируя себя со своей исторической Родиной. Трудно себе представить перспективы государства, если треть или даже большая часть населения страны не будет себя идентифицировать как «россияне».

8. *Массовые иммиграции провоцируют рост негативного отношения к мигрантам, в том числе ксенофобию, национальную и расовую нетерпимость.* Миграционный дискурс оказывает влияние на политические процессы, нередко определяет стереотипы массового сознания. На фоне мигрантофобии начинают активно действовать радикальные националистические организации (например, группы скинхедов и т. д.), пропагандирующие деструктивную идеологию. Известно, что чаще против мигрантов выступают люди с низким уровнем образования и дохода, а также молодежь. Конечно, в определенной степени ксенофобия удобна для властей как инструмент этнополитической мобилизации, но ксенофобия также порождает процесс этнизации русских, что ведет к расколу российской гражданской нации.

12. *Миграции как фактор развития демократических институтов и электоральных процессов.* Электоральные предпочтения мигрантов станут важным фактором российской политики уже в ближайшем будущем. Фактически, можно говорить, что после 2050 г. электоральные рейтинги политических лидеров и политических партий будут в значительной степени зависеть от предпочтений мигрантов и их потомков. Учитывая преобладание среди мигрантов представителей среднеазиатских народов, можно предполагать и определенную трансформацию политического сознания и политических стереотипов в российском обществе. В результате изменится публичный дискурс политики. Показательны в этом отношении примеры президентских выборов во Франции и США, где победы Ф. Оланда и Б. Обамы имели место во многом благодаря поддержке мигрантов из Северной Африки, в первом случае, и Латинской Америки, во втором. Так, в США по данным Бюро цензов в 1900 г. проживало всего 0,5 млн. испаноязычного населения, в 2000 г. – более 35,3 млн., а в 2010 г. – около 50,5 млн. чел.¹²⁴ К 2050 г. испаноязычные составят 30 % населения США, однако, уже сейчас массовые миграции изменили избирательную систему в США, т. к. электорат двух основных политических партий стал демографиче-

¹²⁴ Humes K., Jones N. and Ramires R. Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. 2010 Census Briefs, C2010BR-02, March 2011, Table 1, p. 4.

ски детерминированным¹²⁵. Подобного варианта развития ситуации вполне можно ожидать в скором времени и в России.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что миграции несут в себе серьезный перечень социально-политических рисков. Конечно, без миграции России не обойтись, она необходима для выживания, но следует предвидеть и последствия неуправляемых миграционных процессов. Необходимо также определить допустимые пределы миграции, которые, обеспечивая демографическое и экономическое развитие страны, не приводили бы к коренному изменению российского общества и государства.

4.2. Иммиграционные процессы в Федеративной Республике Германия в конце XX – начале XXI вв.: некоторые социально-политические аспекты

Федеративная Республика Германия в XX веке столкнулась с серьезными политико-демографическими вызовами. Во-первых, недостаток рабочей силы, необходимый для восстановления экономики, после окончания Второй мировой войны, попытались компенсировать привлечение временных иностранных работников. Во-вторых, немецкое правительство активно осуществляло репатриацию этнических немцев. В значительной степени, иммиграционные процессы, которые проходят в современной России, повторяют путь, который начала ФРГ ещё 50 лет назад. В этой связи рассмотреть позитивный и негативный опыт миграционной политики ФРГ, выявить социально-политические последствия иммиграции для развития различных сфер немецкого общества представляется актуальным.

Массовые миграции в ФРГ начинались после Второй мировой войны и первоначально были связаны с перемещением немецкого населения с восточных территорий и из некоторых стран Европы. Демографические потери в войне предопределили миграционную политику послевоенной Германии: остро нуждаясь в рабочей силе для экономики, она заключает договора с рядом стран о привлечении временной рабочей силы (нем. *Gastarbeiter*). Первоначально, такие соглашения были подписаны с Италией (1955 г.), Испанией (1960 г.), Грецией (1960 г.), а в 1961 г. – с Турцией. Соглашения предусматривали постоянную ротацию кадров работников. Прибытие семей работников не приветствовалось, жилищным вопросам и языковому уровню мигрантов внимания не уделялось. Но, значительная часть мигрантов (до 2/3) приняла решение не возвращаться на родину, что было выгодно и немецким предпринимателям – они сохраняли адаптированную к работе в местных условиях рабочую силу. С 1960

¹²⁵ Травкина Н. Новая демография Америки // Экономическая политика: экспертный канал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecpol.ru/index.php/syuzhety/243-novaya-demografiya-ameriki>

по 1973 гг. численность иностранного населения в стране возросла с 686 тыс. чел. до 2,6 млн. чел. В 1973 г. политика привлечения иностранных работников сменилась политикой ограничения въезда, но начался процесс воссоединения семей (т.н. «цепная реакция»).

Таким образом, программы привлечения временной трудовой силы сработали не так, как первоначально ожидалось, но вплоть до конца 1980-х гг. в немецком обществе было принято считать, что иностранная трудовая сила находится в стране временно. К концу 1980-х гг. в ФРГ уже находилось более 4,5 млн. иностранных граждан, причем в их числе были и те, кто родился уже в Германии, но формально оставался иностранцем. Правительство вынуждено было заняться проблемой интеграции мигрантов. В 1991 г. вступил в силу Закон об иностранцах, который предоставил иностранным рабочим право получения вида на жительство при условии проживания в стране не менее 5 лет, знания немецкого языка, наличия нормальных жилищных условий и отсутствия криминального прошлого.

В конце 1980-х – 1990-е гг. ФРГ приняла волны политических беженцев. Так, в 1988–1993 гг. в ФРГ было подано свыше 1,4 млн. прошений о предоставлении политического убежища от граждан разных стран и, кроме того, еще 350 тыс. беженцев из Боснии и Герцеговины были размещены без прохождения данной процедуры. В связи с ростом числа иностранцев, претендующих на получение политического убежища, в 1993 г. в ст. 16 Конституции ФРГ были внесены поправки, ограничивающие круг лиц, имеющих право ходатайствовать о защите, что привело к сокращению числа таких лиц с 400 тыс. в 1992 г. до 95 тыс. в 1995 г.¹²⁶.

Существовал еще один миграционный поток: репатриация этнических немцев из стран Восточной Европы и СССР. Начался этот процесс в 1953 г., после принятия Закона о депортированных, но, как массовое явление, он стал проявлять себя лишь в 1980–1990-е гг. Всего в ФРГ этнических немцев вернулось около 4 млн. чел., в том числе в 1988–2000 гг. более 2,7 млн. чел. (1,9 млн. с территории бывшего СССР, 575 тыс. с территории Польши, 220 тыс. – из Румынии). С целью управления процессом репатриации правительство ФРГ ввело юридический статус «поздний переселенец» и установило квоты, которые в 1993–1999 гг. составляли 225 тыс. чел. в год, а после 2000 г. – около 100 тыс. чел. в год. В 1997 г. для репатриантов были введены также обязательные языковые тесты, а для выходцев из стран Восточной Европы еще и требовалось представить доказательства дискриминации по этническому признаку в своей стране.

¹²⁶ См.: Пархалина Т.Г. Европейская безопасность: какой она видится сегодня? Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы // Аналитический бюллетень Центра по изучению проблем европейской безопасности. М.: ИНИОН. 2001.

Все эти перемещения были настолько велики, что в 1988-1992 гг. коэффициент ежегодного миграционного прироста в ФРГ превышал соответствующий показатель США (например, в 1990 г. в ФРГ он составил 0,83, а в США – только 0,32). Введённая с 1993 г. ограничительная практика снизила возможность получения политического убежища, а также уменьшила иммиграцию переселенцев немецкого происхождения. Уже к 1997 г. в стране был зафиксирован самый низкий миграционный прирост с середины 1980-х гг. Эта динамика сохранилась в начале 2000-х гг., в результате чего число новых иммигрантов снизилось почти вдвое к 2007 г. В целом во второй половине XX века ФРГ из страны эмиграции превратилась в страну иммиграции и стала по численности иммигрантов лидером в ЕС. Расчёты показывают, что за 1950–2005 гг. страна за счет миграции на постоянное место жительства приобрела чистого прироста населения около 10 млн. чел., что в условиях небольшой естественной убыли позволяло демонстрировать прирост населения.

В этническом отношении ФРГ, благодаря международным миграциям второй половины XX века, превратилась из моноэтничного в полиэтничное государство. В настоящее время в ФРГ проживает более 2,5-2,6 млн. турок, 1 млн. выходцев из бывшей Югославии, более 500 тыс. итальянцев, 350 тыс. греков и 250 тыс. поляков. Самой крупной иммигрантской общиной является мусульманская община, которая насчитывает более 4 млн. человек (около 5 % населения страны) и включает в себя турок, курдов, боснийцев, выходцев из стран Азии и Африки.

В 2010-е гг. в ФРГ вновь начинают усиливаться миграционные потоки. За 2012 г., согласно результатам Федерального статистического ведомства ФРГ, число жителей увеличилось на 196,0 тыс. чел. по сравнению с предыдущим годом, и достигло уровня в 80,5 млн. чел. Подобный прирост в последний раз наблюдался в 1996 г. В настоящее время, доля иностранцев составляет 8,2 % от численности населения, а доля лиц прибывших из других стран – 19,3 %.¹²⁷

Мы сознательно не останавливаемся здесь на событиях миграционного кризиса 2014–2018 гг., поскольку пока сложно давать оценку их влиянию на политические процессы в стране. Хотя ФРГ и приняла в эти годы рекордное число беженцев¹²⁸, однако федеральное правительство уверено, что большая часть из них, получив сейчас временное убежище, со временем вернется в страны исхода.

Следует признать, что массовая иммиграция в ФРГ оказывает положительное влияние на демографические процессы в стране. По прогнозам Eurostat,

¹²⁷ Федеральная статистическая служба (Federal Statistical Office). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.destatis.de>

¹²⁸ Гункель Е. ООН: число беженцев в мире достигло нового рекорда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://m.dw.com/ru>

население ФРГ к 2060 г. может сократиться с нынешних 80,5 млн. до 66 млн. чел., в результате она потеряет статус самой населенной страны ЕС. Без учета миграции сокращение населения ФРГ будет еще внушительнее – до 59–60 млн. чел.¹²⁹ В настоящее время прирост населения в ФРГ обеспечивается только за счет положительного сальдо миграции. Рождаемость в ФРГ, по данным Eurostat, в 2010 г. составила всего 8,3 новорожденных на 1000 жителей (показатель по ЕС в целом – 10,4), а в 2009 г. – она была рекордно низкой для Германии – 7,9¹³⁰. Доля населения в возрасте до 18 лет в Германии в 2010 г. также являлась самой низкой в ЕС – всего 16,5 %. Начиная с 1997 г. в стране уменьшается число женщин репродуктивного возраста (15–49 лет): в 2006 г. их насчитывалось 19,3 млн. чел., а к 2050 г. число женщин репродуктивного возраста уменьшится до 14 млн., при том, что среднестатистические немки стали позже выходить замуж и рожать первых детей. Пока, мигранты несколько смягчают эту ситуацию. В среднем в ФРГ на 1 женщину репродуктивного возраста приходится 1,4 ребенка, а у мигранток – этот показатель составляет 1,6.¹³¹ Опыт показывает, что мигранты перенимают модель воспроизводства принимающего социума, как правило, в течение 1–2 поколений, но, пока мигранты позволяют снизить остроту ситуации с рождаемостью.

Второй важной проблемой является увеличение доли пожилых людей. Эта проблема характерна почти для всех развитых стран мира, но особенно сильно старение населения проявится в Германии, где число пожилых людей (старше 65 лет) уже составляет более 20 %. Высокая продолжительность жизни (76 лет – для мужчин, 82 года – для женщин), снижение общих показателей смертности, ведут к старению населения. К 2050 г. средний возраст жителей Германии возрастет с нынешних 42 лет до 50 лет, а число людей старше 80 лет с нынешних 4 млн. чел. – до 10 млн. чел., то есть фактически каждый 7-й житель ФРГ будет престарелым. Суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население ФРГ в результате возрастет с показателя 51,2 в 2010 г. до 83,1 в 2050 г., а нагрузка пожилыми – 30,8 до 56,5¹³².

Депопуляция и, одновременно, ожидаемое старение населения остро поставят вопрос об экономическом лидерстве Германии в ЕС, поэтому ФРГ жизненно необходим постоянный миграционный прирост. Иммиграционные потоки позволят снизить негативные последствия депопуляции и теоретически

¹²⁹ ФРГ оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС // Электронное периодическое издание «Лента.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru>

¹³⁰ Демьянов А. Германия оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>

¹³¹ Там же.

¹³² United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011). World Population Prospects: The 2010 Revision, CD-ROM Edition.

должны обеспечить экономику необходимым числом рабочих. Позитивный опыт в этом отношении уже есть – «немецкое экономическое чудо» в значительной степени опиралось на труд низкооплачиваемых иностранных рабочих. Немало в современной Германии и иностранных предпринимателей.

В тоже время иммиграционные процессы в ФРГ, имевшие место в конце XX – начале XXI вв., имели и ряд негативных аспектов, на которых следует отдельно остановиться:

1. *Географическая концентрация и этническая сегрегация мигрантов.* В ФРГ действует практика распределения иммигрантов. Конкретные цифры приёма в каждую землю зависят от финансовой силы, численности населения, развития инфраструктуры, интересов рынка. Концепция «предела приёма» (стремление не допустить конфликты с местным населением и не превысить финансовые и интеграционные возможности муниципалитетов) не допускает концентрацию более чем 20 % иностранцев в населении. Закон о распределении «переселенцев» и «поздних переселенцев» по землям (1989 г.) закрепил эту логику в отношении репатриантов. Механизм действия этого положения состоял в том, что мигрант может рассчитывать на социальную поддержку только по месту, куда он был направлен на поселение. Но, эта политика не дала желаемого результата, т. к. как 2/3 всех мигрантов сейчас сконцентрировано в трех западных землях – Северный Рейн-Вестфалия, Бавария и Баден-Вюртемберг, каждая из которых приняла не меньше 1 млн. иностранцев. Высока доля мигрантов в структуре населения таких регионов как Гамбург (14 %), Берлин (13 %), Бремен (12 %), Гессен (11 %), Северная Рейн-Вестфалия (11 %), Бавария (9,5 %), при среднем уровне иностранцев в стране 8,2 %. В ряде городов удельный вес иностранцев еще выше: Франкфурт-на-Майне – 28 %, Штутгарт – 24 %, Мюнхен – 23 %, Кёльн – 19 %, а в отдельных городских районах их доля достигает 60 % и более, т. е. эти территории фактически превращаются в этнические анклавы¹³³. Например, в одном только Берлине проживает русскоязычная диаспора в 300 тыс. человек, еврейская диаспора в 100 тыс. чел., а количество турок трудно оценить.

Сосредоточение мигрантов в некоторых немецких городах ведет к усилению структурной безработицы, социальным конфликтам и социальной пространственной деградации, когда на отдельной территории воспроизводится клубок социально-экономических проблем, возникает «круг бедности», в который попадают дети иностранцев, выросших в замкнутой социальной среде с плохими школами, высоким уровнем социальной напряженности и преступности.

¹³³ Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>

Большинство восточногерманских земель (Передняя Померания, Тюрингия, Саксония – Анхальт и др.) не пользовались популярностью у иностранцев. В результате, в ФРГ постепенно формируется преимущественно немецкий, относительно бедный «Восток» и полиэтнический, с высокой долей мигрантов в структуре населения, относительно богатый «Запад». Существование этнических кварталов стимулирует также развитие этнических секторов немецкой экономики, так, 80 % из 327 тыс. чел. работавших в 2000 г. у турецких предпринимателей были турками¹³⁴. Пространственная концентрация мигрантов приводит и к возникновению т. н. «параллельных обществ» со своими системами норм и ценностей.

2. Усиление культурной разобщенности населения Германии

На сегодняшний день в ФРГ число иностранцев составляет 8,2 % от численности населения, а доля лиц с иностранными корнями достигает 19,3 %. В тоже время, можно утверждать, что политика интеграция иммигрантов дает сбои. Да, в результате политики интеграции, мигранты, как правило, начинают говорить на немецком языке, особенно во втором и третьем поколениях, например, турки, курды и албанцы. Однако, они не перестают быть турками, курдами или албанцами, не ассимилируются, не «растворяются» в немецком обществе. Хотя, средняя продолжительность их проживания мигранта в ФРГ часто составляет более 15–20 лет.

В октябре 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель публично провозгласила провал политики мультикультурализма. Мультикультурализм утверждал, что признание культурных различий есть условие справедливости, а общество сильнее тогда, когда все люди в нем принимаются такими, какие они есть. Парадокс же мультикультурализма состоит в том, что на практике права меньшинства начинали ставиться выше прав большинства. В результате, требование открытости и толерантности приводит этническое большинство к ограничениям в проявлении своей собственной идентичности и к отказу от критики образа жизни мигрантов.

Численность мусульман в Германии накануне миграционного кризиса 2014 г. оценивалась экспертами в 3,5–4,3 млн. чел. В возрастном отношении 1/3 всех мусульман Германии была не старше 25 лет¹³⁵. По доли мусульман в структуре населения Германия занимала третье место в ЕС, уступая только Франции и Нидерландам¹³⁶. По данным на 2009 г., из числа проживающих в ФРГ мусульман, 45 % имеют немецкое гражданство, 55 % – иностранное.

¹³⁴ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogita.ru>

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

Большая часть мусульман (более 2,5 миллионов) являются выходцами из Турции. 98 % немецких мусульман живут в старых федеральных землях, в том числе каждый третий – в Северном Рейне-Вестфалии. В Баден-Вюртемберге, Баварии и Гессене, доля мусульман чуть выше 10 %. При этом, 31 % учеников турецкого происхождения не заканчивали школу, тогда как, среди немецкого населения таковых было всего 1,8 %¹³⁷.

Турецкая община Германии считается одной из наиболее замкнутых в Европе, что объясняется историческими причинами (Турция не была германской колонией), поэтому большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что снижает вероятность их успешной интеграции, а, во вторых, вплоть до 2000-х гг. Германия и не ставила задачи интегрировать мигрантов. Такое отношение государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т. д., выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе (например, «Милли Гюрюш»). Деятельность этих ассоциаций нельзя оценить однозначно: с одной стороны, они содействуют интеграции через вовлечение мусульман в общественную жизнь, повышению их образовательного и экономического уровней, а с другой – навязывают некую промежуточную идентичность немецкого турка, представителя организации, построенной по этническому принципу¹³⁸.

Тило Саррацин в книге «Германия: самоликвидация», сравнивая разные группы некоренного населения ФРГ, пришел к выводу, что приезжие из мусульманских стран особенно плохо интегрируются. Турки и арабы в Германии образуют свое собственное, параллельное общество, которое живет по своим законам. Турецкие и арабские общины отличаются тем, что их дети плохо успевают или вообще не посещают школу, а многие семьи живут на социальные пособия. При этом среди мигрантов этого типа высокими являются показатели преступности. По его мнению, так происходит потому, что мусульмане в Германии подвержены чуждому культурному и религиозному влиянию, которое было не понято и не может управляться немецким обществом. Она агрессивна и враждебна светской европейской цивилизации, но при этом исламская община в стране быстро растет за счет рождаемости и прибытия в ФРГ членов семей мигрантов¹³⁹.

¹³⁷ Демьянов А. Мигранты в Германии // Электронное периодическое издание «Лента.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru>

¹³⁸ Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

¹³⁹ Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: Рид Групп, 2012. – 780 с.

Канцлер Ангела Меркель призывает к терпимости к мусульманам и к признанию того факта, что они часть немецкого общества, но социологические опросы показывают растущее беспокойство граждан по поводу того, что иностранцев стало слишком много, они не умеют говорить по-немецки и пытаются жить по своим обычаям.

Много вопросов вызывает и интеграция репатриированных немцев, в больше степени из республик бывшего СССР. Германское правительство старается создать все условия для их возвращения, стремясь с их помощью решить проблемы с нехваткой рабочих рук и затруднения в демографической сфере, а также руководствуясь чувством единства с этническими немцами. Но, «русские немцы» не стали настоящими немцами, также как и турки не перестали быть мусульманами и тюрками. Немецкий язык став языком повседневного общения, не привел к культурной ассимиляции приезжих. Переселенцы в Германии не забывают о своей прежней родине, стремятся сохранить русский язык, открывают «русские супермаркеты», досуговые заведения, предприятия сферы обслуживания, бюро путешествий. Существует множество общественных организаций, созданных с целью сохранение русской культуры, издаются русскоязычные издания.

Выборы в Бундестаг в 2013 г. привели к появлению в парламенте двух депутатов с африканскими корнями и одной женщины-мусульманки, а всего в Бундестаге оказалось 34 депутата из семей мигрантов, что составляло более 5 % общего состава парламента ФРГ. И, по-видимому, это лишь начало активного проявления мигрантов в политике.

3. Усиление секуляризации немецкой культуры и угроза утраты немецкой идентичности

Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием присутствия ислама в обществе и обеспечением условий для его развития. Но, подобное решение проблемы социокультурной адаптации обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе исследователи говорят о трех поколениях мусульман Европы, что характерно и для ФРГ. Первое поколение мигрантов, прибывшее в 1960-е гг., на сегодняшний день находится в возрасте старше 60 лет. Они в целом благодарны принявшей их стране, миграцию считают улучшением своего статуса и, по большому счету, не претендуют на социальные блага европейского общества. Второе поколение мусульман Европы составляют их дети, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня 30–40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное «общество потребления», то их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного

социума в сравнении с западными сверстниками. К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе и являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь воздействию европейских СМИ, они должны были проникнуться духом секулярной иудео-христианской цивилизации Запада, но, исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме¹⁴⁰.

Для предупреждения межкультурных конфликтов и снижения влияния представителей ислама, немецкие власти на разных уровнях (федеральном, региональном, локальном) усиливают секулярные основы культуры. В 2004 г. власти Берлина запретили все религиозные символы в земельных учреждениях. Германия ввела для новых иммигрантов интеграционные тесты, которые требуют подтвердить, что они осведомлены о нормах отделения религии от политики. Правительство усиливает приверженность к секуляризму, стараясь не допустить проявления религиозности мусульман в стране, но, этот процесс ведет к обмирщению и обедняет историю и культуру немецкого общества, основанную на христианских символах и ритуалах. Законы, требующие отделения религии от политики, способствуют уничтожению прежней идентичности. Исторически европейский секуляризм возник, как способ гасить конфликты, порожаемые религиозным разнообразием разных ветвей христианства. Сейчас спектр религиозных и нерелигиозных идентичностей в Европе настолько широк, что дальнейшая секуляризация общественной сферы выглядит вероятным исходом, так как секуляризм становится «удобным кнутом» в руках правительства против религиозности мигрантов¹⁴¹. Но, этот «кнут» обратной стороной бьет по немецкой идентичности, выбивая из-под нее основу.

4. «Деквалификация» немецкого рынка труда, усиление конкуренции и рост безработицы

Миграционный потенциал, накопленный Германией, существенно влияет и на состояние рынка труда. Если в 1960 г. приток сотен тысяч «гастарбайтеров» не повлиял на рост безработицы (в 1962–1969 гг. безработица в среднем составляла всего 0,7 %), то в 1990-е гг. средний уровень безработицы уже составил 7,7 % и был спровоцирован ростом миграционных потоков¹⁴². В настоящее время, миграционные процессы серьезно усиливают экономическую кон-

¹⁴⁰ Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

¹⁴¹ Маккри Р. Как обуздать религию? // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru>

¹⁴² Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogita.ru>

курению на рынке труда, по-видимому, сдерживают рост или даже ведут к снижению заработной платы и ухудшению условий труда. Это способствует и изменение миграционного законодательства 2018 г., которое призвано поощрить трудовую миграцию квалифицированных специалистов¹⁴³.

Мигранты уже начинают доминировать в отдельных отраслях экономики. Например, большая часть турецких мигрантов занята в профессиях продавцов, торговых служащих в розничной и оптовой сфере, специалистов по закупкам, обслуживающего персонала для технических и электронных устройств, водо- и газопроводчиков, специалистов по ремонту и строительству, парикмахеров¹⁴⁴.

В Германии усилился также поток граждан из Болгарии и Румынии, которых в прессе называют «мигрантами от нищеты». В самой стране разгорается общественная дискуссия вокруг возможной «эрозии немецкой социальной системы», поскольку социальные пособия в Германии «в два-три раза превышают среднюю зарплату в Румынии и Болгарии». В 2007 г. в Германии насчитывалось 64 тыс. мигрантов из Болгарии и Румынии, в 2011 г. – уже 147 тыс., а в 2012 г. – около 200 тыс. чел. Согласно условиям, оговоренным в 2007 г. при вступлении Болгарии и Румынии в ЕС, срок их «внутренней изоляции» сохранялся до 2014 г., после чего болгары и румыны, получившие работу или поступившие в университеты, могут переехать в любую из стран ЕС, в том числе и в ФРГ. Среди мигрантов из Болгарии и Румынии значительную долю составляют цыгане (синти и рома), у подавляющего большинства из них нет никакой профессии, часть вообще неграмотные, многие даже не говорят по-немецки. Как правило, они селятся в аварийных или подлежащих сносу домах и пополняют ряды работников местного криминального сектора экономики (нищенство, проституция, воровство). Получил известность пример массового поселения цыган (около 300 человек) в одном из жилых домов Дуйсбурга. В результате стали возникать постоянные конфликты с местными жителями из соседних домов, а власти Дуйсбурга объявили, что приток беженцев-цыган нанес долгосрочный ущерб социальному миру¹⁴⁵. Такие же общины цыган поселились в Берлине, Франкфурте-на-Майне и др. крупных городах.

5. Рост ксенофобии и экстремизма в германском обществе

Наплыв мигрантов из стран мусульманского мира, нарушает этнодемографический баланс, усиливает религиозную и этническую пестроту немецкого общества. В то время, как численность местного христианского населения по-

¹⁴³ Жолквер Н. Германия открывается для трудовых мигрантов – в том числе из России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dw.com/ru

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Кох М. Мигранты от нищеты: все больше цыган из Восточной Европы переезжают в ФРГ / М. Кох, А. Варкентин // Русская редакция сайта «Deutsche Welle». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dw.de>

стоянно снижается, мусульманское население стремительно растет. В результате, часть немецкого общества испытывает чувство опасности и беспокойства. Осознавая, что собственная идентичность становится размытой, чтобы ее укрепить, они начинают занимать непримиримую позицию по отношению к мусульманам, что порождает рост экстремистских и ультраправых настроений. Аналогичная тенденция к росту ксенофобских настроений наблюдается и среди молодых мигрантов, которые на свою социальную инклюзию, отчуждение обществом, отвечают насилием.

Многие немцы, даже толерантно настроенные, не хотят жить рядом с мигрантами. Институт криминологии Нижней Саксонии представил результаты социологического исследования, посвященного отношению молодых немцев к их ровесникам из иммигрантской среды (туркам). Выяснилось, что менее 10 % немецких юношей и девушек хотели бы иметь своими соседями турок, 38 % заявили, что не хотят этого ни в коем случае. Со своей стороны, 23,7 % респондентов турецкого происхождения заявили, что, по крайней мере, один раз в своей жизни оскорбляли немцев за то, что они немцы, а 4,7 % признали, что сознательно били немецких сверстников по этой причине¹⁴⁶. Опрос, проведенный Билефельдским университетом, также показал, что 47 % немцев критически относятся к мигрантам¹⁴⁷.

Социальная поддержка мигрантов, осуществляемая за счет немецких налогоплательщиков, провоцирует недовольство, даже несмотря на то, что немецкие власти, во избежание негативного отношения граждан к мигрантам, выдвигают дополнительные условия её получения, а размеры социальной помощи существенно меньше, чем у граждан ФРГ.

Расистские волнения уже имели место в новейшей истории ФРГ: в 1991 и 1993 гг. в Хойерсверде и в Ростоке, где целью стали центр приема беженцев и общежитие вьетнамских рабочих, а также в Мельне и Золингене, где в результате поджогов погибли восемь турок. Всего в ФРГ в 1990–2011 гг. в результате действий ультраправых групп погибли 182 иммигранта¹⁴⁸.

Отражением роста праворадикальных настроений в обществе являются, в том числе, и выступления Тило Саррацина. После публикации его книги «Германия: самоликвидация» в 2010 г.¹⁴⁹, все опросы показывали, что немцы

¹⁴⁶ Демьянов А. Мигранты в Германии // Электронное периодическое издание «Лента.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru>

¹⁴⁷ Шерле А. Изменились мигранты, изменилось и отношение немцев к ним / А. Шерле, А. Варкентин // Русская редакция сайта «Deutsche Welle». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dw.de>

¹⁴⁸ Боллманн И. Трудности европейской интеграции на примере Германии // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru>

¹⁴⁹ Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: Рид Групп, 2012. – 780 с.

утратили оптимизм по отношению к мультикультурному обществу и при этом многие немцы заявляли, что разделяют критические высказывания Саррацина относительно мигрантов. Известность получила и книга берлинской судьи Кирстен Хайзиг «Конец терпению», которая описывала рост подростковой преступности в иммигрантской среде. На выборах в Бундестаг кандидатам в депутаты из числа мигрантов, праворадикальная Национально-демократическая партия Германии даже прислала письма с «билетами на родину» и подписью «приехал – уезжай», стараясь заставить их отказаться от участия в выборах. НДПГ представлена уже в ландтагах Мекленбурга-Передней Померании и Саксонии, а попытки запретить партию не увенчались успехом.

Когда в 2010 г. федеральный президент Кристиан Вульф в своем выступлении заявил, что ислам является частью немецкого общества, так же как иудео-христианская традиция, то на него обрушились с критикой множество видных немецких политиков, заявляя о ведущей роли немецкой культуры и конце мультикультурализма. Но, самым знаковым примером, стало заявление известного немецкого публициста еврейского происхождения, человека пережившего Холокост, Ральфа Джордано, который в открытом письме президенту ФРГ Вульфу, заявил о столкновении двух культурных общностей, которые находятся на совершенно разных стадиях развития. Первая, иудео-христианская, будучи основой для появления Ренессанса, Просвещения, буржуазных революций и либеральных ценностей, обеспечила огромный скачок в развитии общества. Другая общность, исламская, после короткого периода расцвета в Средние века, затем надолго впала в состояние стагнации и архаики. Для нее характерны: тотальное подчинение, неравенство полов, патриархальность и безоговорочное следование религиозным авторитетам.

6. Мигранты могут дестабилизировать систему социального обеспечения Германии

Статистические данные показывают, что уровень безработицы среди иммигрантов в Германии в два раза выше, чем среди коренного населения. Лишь около 71,4 % немецких турок, из 2-х млн. турецкой диаспоры, имели постоянный или временный источник дохода. В тоже время, 40 % немецких турок полностью или частично зависят от социальных выплат и, в среднем ФРГ, тратила на них 18,2 миллиардов евро в год¹⁵⁰. При этом, среди мигрантов значительно больше тех, кто зависит от различных выплат – таких 40 % против 25% для коренных немцев¹⁵¹. В период с 1980 по 2003 гг. число заявок иностранцев на социальную помощь выросло с 70 523 до 624 472, т. е. почти

¹⁵⁰ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogita.ru>

¹⁵¹ Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogita.ru>

в 9 раз, а число не-немцев среди получателей социальной помощи увеличилось с 9 % до 29,1 %¹⁵².

Данные исследования 2005 г. показывали, что уровень безработицы был высок и среди репатриированных немцев, в частности, безработными оказались 32,4 % немецких переселенцев из республик бывшего СССР¹⁵³. При всех адаптационных усилиях властей, интегрироваться репатриантам, особенно старших возрастов, в германское общество было тяжело и, поэтому, среди них сильны иждивенческие настроения и высокая безработица.

Для Германии, резкий рост числа и доли некоренных получателей помощи означает рост когорты тех, кто не вносит своего вклада в рост всеобщего благосостояния, но при этом пользуется его плодами. Кроме того, в ближайшие годы следует ожидать увеличения социальных расходов, связанных с естественным старением натурализовавшихся мигрантов, которые начнут получать пенсию, при том, что не у всех из них трудовой вклад в развитие немецкой экономики сопоставим с вкладом коренных немцев. Увеличение числа мигрантов провоцирует и рост бедности. По своему социально-экономическому положению 15 % немецких детей из 13 млн., или практически каждый шестой ребенок, считаются бедными, и основным фактором роста детской бедности, является то, что у мигрантов больше детей. Отчасти это объясняется тем, что для многих семей мигрантов выплачиваемое государством пособие на ребенка является единственным источником стабильного дохода.

Миграционный кризис, начавшийся в 2014 году, потребовал новых значительных финансовых затрат. Известно, например, что в 2016 г. Министерство финансов ФРГ запланировало порядка 20 млрд. евро дополнительных затрат ежегодно в период до 2020 г. на различные задачи, связанные с миграционными процессами и прибытием беженцев, в том числе на социальные выплаты и интеграцию¹⁵⁴.

Подводя итог, следует отметить, что немецкая иммиграционная политика во второй половине XX вв., фактически, проводилась без учета возможных негативных последствий миграции. Политика интеграции мигрантов, которая началась лишь в 1990-е гг., оказалась отчасти запоздалой. При этом немецкое общество не желает новых мигрантов, а немецкая экономика фактически уже

¹⁵² Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. 2007. № 1(9). С. 117–141.

¹⁵³ Полян П. Русскоговорящие иммигранты в Германии: первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru>

¹⁵⁴ Гункель Е. ООН: число беженцев в мире достигло нового рекорда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://m.dw.com/ru>

не может обойтись без мигрантов. Новые вызовы, связанные с последствиями миграционного кризиса, требуют других подходов к вопросам интеграции. Германия долгое время проводила «дифференцированно-экслюзивную» стратегию интеграции мигрантов, фактически ее политика долгое время не была нацелена на интеграцию как на политическое решение. Германское законодательство значительно ограничивало права мигрантов, долгое время они не рассматривались в качестве потенциальных резидентов.¹⁵⁵ Немецкий опыт также наглядно демонстрирует, что даже ставка на репатриацию этнически и культурно близких соотечественников, не всегда обеспечивает успешную интеграцию.

4.3. Иммиграционные процессы в контексте политики Итальянской республики в конце XX – в начале XXI вв.

Иммиграционные вызовы, с которыми Италия столкнулась в последние тридцать лет, формируют серьезную угрозу для её внутривнутриполитической стабильности и устойчивого развития. Иммиграция принесла экономические выгоды, но, одновременно, вызвала значительную социокультурную трансформацию общества. Комплексное исследование феномена массовой иммиграции в Италии необходимо, поскольку с подобными вызовами в ближайшей перспективе может столкнуться и наша страна. При этом, мы сознательно не рассматриваем события миграционного кризиса 2014–2018 гг., поскольку пока сложно давать оценку их влиянию на политические процессы в стране.

Демографические тренды и значение иммиграции. Италии присущи типичные демографические проблемы ведущих стран ЕС: депопуляция и старение коренного населения. Медианный возраст населения Италии в 2013 г. составил 44.4 года, что стало самым высоким показателем в ЕС (в среднем в ЕС – 41.9 года), доля несовершеннолетних (0–14 лет) – 14 % (в ЕС – 15 %), доля населения старше 65 лет – 21.2 % (в ЕС – 17.7 %)¹⁵⁶. При этом, средняя продолжительность жизни в Италии (85 лет для женщин и 80 лет для мужчин) одна из самых высоких в Евросоюзе. Имидж «стареющей нации» Италия приобрела не только благодаря увеличению продолжительности жизни, но и вследствие снижения рождаемости. Последний раз суммарный коэффициент рождаемости находился на уровне простого воспроизводства (2.1) в 1975–1976 гг., и затем только снижался¹⁵⁷. Это устойчивая тенденция, поскольку самой многочис-

¹⁵⁵ Прохорова А. Сравнению не подлежит // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cogita.ru>

¹⁵⁶ Eurostat. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database>

¹⁵⁷ Italy health system review / Health systems in transitions. 2014. Vol.16. № 4. Pp. 3–4.

ленной группой теперь являются итальянцы, родившиеся в годы послевоенного «бэби-бума». Информация об основных демографических трендах Италии представлена в табл. 12.

Таблица 12

Тренды демографического развития Италии в 1980-2014 гг.*

	1980	1990	1995	2000	2005	2012	2014
Численность населения (млн.)	56.4	56.7	56.8	56.9	58.6	60.9	61.3
Население в возрасте 0–14 лет	22.2	16.5	14.9	14.3	14.1	14.0	14.0
Население в возрасте 65 лет и старше	13.4	14.9	16.7	18.3	19.6	20.8	22.0
Прирост населения (%)	0.2	0.1	0.0	0.0	0.7	0.3	1.8
Суммарный коэффициент рождаемости	1.6	1.3	1.2	1.3	1.3	1.4	1.4а.
Демографическая нагрузка (в % от населения в трудоспособных возрастах)	55.3	45.8	46.2	48.3	50.9	53.5	55.0
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)	73.9	76.9	78.0	79.4	80.6	82.1	82.1

* Всемирный банк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>

Примечание: а – данные за 2013 год.

Большая семья, характерная для католической Италии, стала достоянием прошлого: уже в 1981 г. среднестатистическая итальянская семья состояла всего из 3 человек¹⁵⁸. Многие современные итальянки, либо отказываются иметь детей, либо заводят одного ребенка. На это влияет и укрепившаяся тенденция позднего вступления в брак (в 35–40 лет).

Ускоренное старение населения вызвано тем, что многочисленное поколение послевоенного «бэби-бума» сейчас достигло пенсионного возраста. Прогнозы указывают, что до 2020 г. численность населения в стране в возрасте 18–44 лет сократится как минимум ещё на 4.5 млн. чел.¹⁵⁹ При сохранении основных демографических показателей, коэффициент «демографической нагрузки» пожилыми (65 лет и старше) возрастет с 31.3 в 2010 г. до 45.2 в 2030 г. и 66.0 – в 2050 г.¹⁶⁰ Это вызовет «перегрузку» пенсионной системы, ведь уже сейчас Италия тратит на пенсии больше, чем другие страны ЕС.

¹⁵⁸ Ginsborg P. A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943–1988. London: Penguin books, 1990. P. 430.

¹⁵⁹ Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

¹⁶⁰ Social situation in the European Union. Luxembourg: Eurostat, 2006. Pp. 125–126.

При этом доля пожилых людей неодинакова по стране: на юге этот показатель равен 19.5 %, в центральной части и на севере – 22.4 %¹⁶¹, то есть, экономически развитые регионы испытывают максимальную нагрузку.

С одной стороны, старение населения замедляет экономический рост, а, с другой стороны, замедление темпов развития снижает спрос на рынке труда. Получается «замкнутый круг»: для улучшения демографии необходим приток молодых мигрантов, а с точки зрения экономики – приток молодых, с низкой квалификацией и без опыта работы, мигрантов отягощает ситуацию с безработицей. Ускоренное старение населения, кроме прочего, усиливает зависимость от труда иммигрантов в секторе услуг семьям (присмотр за престарелыми). Так, рынок «баданте» (помощник престарелого человека) занят практически только иммигрантами. Доля итальянских работников здесь составляет всего 6 % и не может быть увеличена (причина заключается в низком уровне оплаты труда и в том, что 3/4 трудовых договоров с «баданте» предполагают их обязательное проживание в доме хозяина, на что итальянцы не готовы). К тому же, потомки мигрантов первого поколения, как правило, уже не желают выполнять тяжелую работу за небольшую плату. Это видно на примере филиппинцев, которые фактически являются старейшей мигрантской диаспорой в Италии (первые филиппинцы стали прибывать еще в 1960-х гг.). Если первое поколение филиппинцев было занято как домашняя прислуга и их дети, как правило, выбирали этот же вид занятости, но уже получали более высокую оплату, то третье поколение уже предпочитает работать в сфере обслуживания в учреждениях и организациях (клининговые компании, отели, рестораны).

Италия уже длительное время демонстрирует отрицательный естественный прирост, но численность ее населения продолжает расти. Прирост населения обеспечивает положительный миграционный баланс и демографические характеристики иммигрантов. В 2013 г. естественная убыль населения имела показатель – 1.4 %, а миграционный прирост составил 181.7 тыс. чел.¹⁶² Таблица 13 демонстрирует имевшее место увеличение в 1.5 раза доли иностранных граждан в населении в 2006–2012 гг. Причем доля иностранных граждан в Италии выше показателя в целом по ЕС, хотя уступает таким странам как Великобритания, Франция и Германия.

Таблица 13

Численность иностранцев в постоянном населении Италии,
2006–2013 гг. (млн. чел.)*

¹⁶¹ Italy health system review. / Health systems in transitions. 2014. Vol.16. № 4.

¹⁶² Щербакова Е. ЕС-28: первые демографические итоги 2013 года / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php>

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Численность населения	59.1	59.6	60.0	60.3	60.6	59.6	60.0	60.8
Из них иностранные граждане	2.9	3.4	3.9	4.2	4.6	3.9	4.2	4.9
Доля иностранцев (%)	5.0	5.8	6.5	7.0	7.5	6.5	7.0	8.1

* Составлено автором по данным: Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma. 2014. P. 13; Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2011. P. 12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2009. P. 13.

Иностранное население в Италии «молодое» и является источником демографического роста. В 2010 г. в Италии более половины иммигрантов находились в трудоспособном возрасте от 18 до 44 лет, 22 % составляли несовершеннолетние и только 2.4 % – в возрасте старше 65 лет¹⁶³. Согласно переписи 2011 г., средний возраст иностранного населения всего 31.1 года¹⁶⁴. Суммарный коэффициент рождаемости у иммигранток выше, чем у коренных итальянок (2.61 вместо 1.3), а средний возраст вступления в брак – ниже (31 год вместо 43 лет)¹⁶⁵. Рождаемость среди иммигрантов серьезно влияет на уровень фертильности: в 2010 г. 14 % всех новорожденных имели иностранных родителей, а доля иностранцев тогда составляла всего 7.5 %¹⁶⁶.

Таким образом, демографическая сфера Италии претерпевает серьезную трансформацию (в воспроизводстве, в возрастной структуре), имеющую серьезные социально-экономические последствия. Кажется, что «оздоровить» демографическую ситуацию способен лишь массовый приток иммигрантов.

Тренды иммиграции и развитие иммиграционной политики. Италия традиционно была страной эмиграции: за более чем сто лет (с 1876 по 1988 гг.) её покинули почти 27 млн. итальянцев¹⁶⁷. В 1970-х гг. ситуация начала меняться и страна стала привлекать потоки иммигрантов из развивающихся государств, что было обусловлено экономическим ростом в Италии и сокращением приема в Германии, Великобритании и Франции. До конца 1980-х гг. Италия фактиче-

¹⁶³ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2011. P. 111.

¹⁶⁴ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 216.

¹⁶⁵ Хижный Э.К. Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домочадцами в Италии / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php>

¹⁶⁶ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2011. P. 111.

¹⁶⁷ Попова Э.Г. Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством / Э.Г. Попова; ИСПИ РАН. М., 2010. С. 11.

ски проводила политику «открытых дверей», что привело к росту числа иммигрантов, в частности нелегальных.

Присутствие нелегалов потребовало усовершенствования законодательства в виде т. н. «Закона Мартелли» (1990 г.). Он расширил применение права на убежище, провозгласил начало программы амнистии, распространяемой на любого иммигранта независимо от наличия у него работы, но одновременно вводил ряд ограничительных мер (установление ежегодного крайнего предела численности новых иммигрантов, введение виз для многих стран, создание системы высылки из страны). «Закон Мартелли» был вполне адекватным до того момента, когда страна столкнулась с массовым притоком мигрантов из Албании в 1990-е гг.

Следующий этап связан с появлением т. н. «Закона Турко-Наполитано» (1998 г.), который базировался на идеях обеспечения достойной жизни находящимся в стране иммигрантам и создания барьеров на пути новых иммигрантов, прежде всего нелегальных. Он включал целый ряд мер в рамках т. н. «модели рациональной интеграции»: меры, препятствующие незаконному въезду и обеспечивающие депортацию нелегалов; соблюдение основополагающих прав человека в отношении нелегалов; предоставление легальным иммигрантам возможности для полной интеграции; организацию взаимодействия между обществом и иммигрантами на основе уважения культурного и религиозного своеобразия. Закон предусматривал создание институтов для обеспечения интеграции (межкультурные медиаторы, территориальные советы по вопросам иммиграции, фонд финансирования миграционной политики, систему курсов для взрослых мигрантов по изучению языка, культуры и социально-политической системы), вводил годовые квоты для иностранной рабочей силы, учреждал механизм выдворения из страны и формулировал меры против пособников нелегальной иммиграции.

Приход к власти правых вызвал очередную трансформацию иммиграционной политики в виде т. н. «закона Босси-Фини» (2002 г.). Он был ориентирован на «немецкую модель» и предполагал получение вида на жительство только при наличии трудового контракта и контракта на найм жилья (вид на жительство выдавался на срок трудового контракта). Получить вид на жительство можно было исключительно в консульских учреждениях Италии. При потере рабочего места, иммигрант получал несколько месяцев на поиск новой работы, а если не находил её, то подлежал выдворению из страны.

В связи с экономическим кризисом, правительство С. Берлускони в 2009 г. приняло т. н. «Пакет мер по обеспечению безопасности», который ужесточил финансовую ответственность и предусматривал уголовное наказание за нелегальное пребывание в стране. Иммигрант, получающий вид на жительство, теперь обязан был подписать «Договор об интеграции» и в течение

двух лет набрать определенное количество баллов для оценки его знания итальянского языка, истории, права, навыков для жизни в стране.

В целом, динамика иммиграционных процессов в 2000-х гг., характеризовалась ростом в первой половине десятилетия, за которым последовал некоторый спад. Затем в 2011–2015 гг. имел место почти трехкратный рост показателей иммиграции по сравнению с уровнем 2006–2007 гг. Он был вызван событиями «арабской весны» 2011 г., гражданскими войнами и дестабилизацией политической ситуации в целом ряде стран Африки и Ближнего Востока. В 1990–2000-е гг. главной проблемой был наплыв легальных и нелегальных трудовых мигрантов, а основным путем их прибытия были туристические визы. Экономический кризис 2008 г. и революции 2011 г. изменили эти тренды и основным потоком стали составлять беженцы из африканских и азиатских стран, прибывающие нелегально морским путем.

Как отмечает Т.П. Нестерова, модель «рациональной интеграции» обеспечила эффективное регулирование лишь миграционных потоков из балканских и восточно-европейских стран, но в отношении миграции из Африки она оказалась бессильна¹⁶⁸.

Миграционный кризис, начавшийся в 2014 г., привел к новому повороту в иммиграционной политике Италии. В октябре 2018 г. появился закон об иммиграции и безопасности, т. н. «закон Сальвини». Новый закон ограничивает возможности предоставления вида на жительство, гуманитарной защиты и права на убежище, а также облегчает возможности для депортации нелегальных мигрантов и лиц, претендующих без веских на то оснований, на статус беженца¹⁶⁹. В октябре 2019 г. были предприняты новые меры по ужесточению иммиграционной политики, на этот раз в отношении выходцев из т. н. «безопасных стран»¹⁷⁰.

Отметим, что опыт иммиграционной политики в Италии подчеркивает её непоследовательный характер и, даже, «авральный подход» к управлению иммиграцией¹⁷¹. Корректировки иммиграционного законодательства нередко нивелировали предыдущие нормы, а направленность принимаемых решений зачастую была детерминирована не национальными интересами, а политической

¹⁶⁸ Нестерова Т.П. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века // Научный диалог. 2013. № 7(19). С. 173.

¹⁶⁹ Власти Италии приняли новые меры по противодействию нелегальной миграции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20191004/1559433793.html>

¹⁷⁰ Италия приняла закон, жестко ограничивающий миграционные процессы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polit.ru/v-mire/3759-italija-prinjala-zakon-zhestko-ogranichivajuschij-migracionnye-processy.html>

¹⁷¹ Сапего Г.П. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. М., 2010. С. 3–4.

конъюнктурой. Иммиграционный режим в Италии до сих пор не сформирован, а итальянское общество, по-видимому, все ещё не свыклось со статусом страны-реципиента миграции.

Специфика иммиграционных процессов в 2000-е гг. Одной из специфических черт иммиграционных процессов в 2000-х гг. стал существенный рост румынской, марокканской, албанской, китайской и украинской диаспор (табл. 14).

В начале XX века быстрыми темпами увеличивалась численность второго поколения иностранных граждан, проживающих в стране: в 2008 г. – 518.7 тыс., в 2009 г. – 572.7 тыс., в 2010 г. – 650.8 тыс. чел.¹⁷²

Происходили процессы территориальной концентрации иммигрантов. Наибольшая доля иммигрантов была отмечена на северо-западе (35.8 %), северо-востоке (27.6 %) и в центре (23.8 %), на юге Италии этот показатель был равен 9 %, а на островах – 3.8 %¹⁷³. В Милане и Риме доля иммигрантов в населении составляла соответственно 13 % и 15 %. Правда, эти данные не учитывают вновь прибывшие контингенты беженцев.

Таблица 14

Крупнейшие этнические диаспоры в Италии в 2006–2011 гг. (тыс. чел.)*

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Румыны	342.2	624.7	796.5	887.8	968.6	997.0
Албанцы	375.9	401.9	441.4	466.9	482.6	491.5
Марокканцы	343.2	365.9	403.6	431.5	452.4	506.4
Китайцы	144.9	156.6	170.3	188.3	209.9	277.6
Украинцы	120.1	132.6	154.0	174.1	200.7	223.8

* Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2011. P. 12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2009. P. 13.

Основная масса иностранной рабочей силы задействована в сфере услуг. В последние годы шло систематическое увеличение занятых в сфере услуг и сельском хозяйстве, и сокращение – в промышленном секторе, прежде всего, на металлургических предприятиях. При этом, в секторе услуг менялась структура занятости: сокращение в ресторанном бизнесе и сфере бизнес-услуг сопровождалось ростом занятости в системе услуг семьям («баданте», «бэбиситер», «ассистенто фамилиаре» и т. д.). В Италии фактически сложилась этническая дифференциация труда иммигрантов (практика, характерная для многих

¹⁷² Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2011. P. 12.

¹⁷³ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2012. P. 12.

стран-реципиентов). В строительстве доминируют иммигранты из стран Магриба и Восточной Европы, в сельском хозяйстве – выходцы из Северной Африки, Латинской Америки и Индии, в мелкой вещевой торговле – Марокко, Сенегала и Китая, в розничной торговле продуктами и фруктами – Пакистана, в сфере бытовых услуг – из Филиппин, Польши и Украины.

Экономический кризис привел к стагнации и снизил потребности экономики в рабочей силе, что отразилось в снижении объемов трудовой иммиграции. В ноябре 2014 г. по данным Istat количество безработных составило 13.4 %, а безработица в группе 15–24 лет достигла показателя в 43.9 % (729 тыс. чел.)¹⁷⁴

Следует отметить, что трудовая иммиграция в Италии постепенно приобрела этнодемографическую, экономическую и территориальную специфику. Сейчас, в определенной степени, в связи с проблемой беженцев, вопросы регулирования трудовой иммиграции временно отошли на второй план. Но, они не утратили своей актуальности, поскольку связаны с проблемой интеграции второго поколения иммигрантов. Опыт других стран показывает, что практика воссоединения семей также становится драйвером притока новых экономических мигрантов. Италия пытается ограничить круг лиц имеющих право на иммиграцию в рамках воссоединения (супруг(а), несовершеннолетние дети и престарелые родители, нуждающиеся в уходе), но, как демократическое государство, оно не способно запретить её полностью.

Нелегальная иммиграция и проблема беженцев. Как указывалось выше, до 2011 г. иммигранты в основном прибывали из стран Восточной Европы, и здесь присутствовали два потока: легальный – из стран недавно вступивших в ЕС (Румынии, Болгария, Польша и др.), и нелегальный – из бывших республик СССР (Украина, Молдова), бывшей Югославии и Албании. Они носили экономический характер, за исключением иммигрантов из бывшей Югославии, где присутствовали беженцы. Эти потоки, хотя и вели к росту «теневой» экономики и преступности, но не представляли серьезной угрозы для национальной безопасности. Экономические мигранты были близки к итальянцам в языковом (румыны), религиозном (поляки, часть украинцев) отношении или имели с ними общее историческое прошлое (албанцы). Культурный уровень их был близок к уровню итальянского общества и базировался на христианских ценностях (за исключением боснийских и албанских мусульман), а разница в уровне социально-экономического развития была не столь велика. Иммигранты представляли собой людей с достаточным уровнем образования и квалификации, кроме, возможно, румынских цыган.

¹⁷⁴ Уровень безработицы в Италии обновил исторический рекорд / РИА «Новости», 7 января 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html>

Сейчас, главным миграционным потоком стали беженцы из Африки и Ближнего Востока, которые хотят иметь доступ к благам социальной системы Италии, либо использовать её для транзита в другие страны ЕС.

Проблема беженцев тесно связана с нелегальным трафиком людей. Его характер и интенсивность обусловили ряд причин, в том числе геополитические (войны и гражданские конфликты на Ближнем Востоке и в странах Магриба) и экономические (огромный разрыв в уровне жизни стран ЕС и стран исхода мигрантов). Важным фактором стало ужесточение итальянского законодательства, которое ограничило для беженцев возможность получения въездных виз в третьих странах и подтолкнуло их к нелегальным способам. Беженцы сажали на мель свои суда в прибрежных водах и вынуждали береговую охрану прийти им на помощь. В результате, к ним уже нельзя было применять процедуру отказа в пересечении границы, и использовалась процедура выдворения из страны. Этот порядок предполагал предоставление нескольких дней и запрет на задержание мигранта, что давало ему возможность скрыться. Такая практика впервые появилась еще в 1990-е гг., но характер стихийного бедствия она приобрела уже после «арабской весны» 2011 г.

Италия сталкивалась с массовым прибытием беженцев прежде. Например, во время албанских событий 1991 г. и 1997 г. (тогда прибыло 63,5 тыс. чел.), не менее 50 тыс. беженцев прибыли в страну во время войны в Косово в 1999 г.¹⁷⁵ Но, вызов 2014–2018 гг. оказался не сопоставим ни по масштабам, ни по продолжительности, ни по объемам потенциальной миграции. Уже в 2011 г. на остров Лампедуза (население 5 тыс. чел.), прибыло более 17 тыс. беженцев. В 2014 г. в день прибыло до 20 различных судов с беженцами, аналогичная ситуация сложилась и в последующие годы. Число потенциальных мигрантов, готовых к «броску» через Средиземное море, сложно оценить, по-видимому, речь может идти о нескольких миллионах человек. Этот поток сопровождается многочисленными случаями гибели людей. Так, по данным ООН, в 2014 г. из 218 тыс. мигрантов, которые отправились на лодках через море, 3,5 тыс. утонули. Всего, за последние 15 лет у берегов Италии погибло более 23 тыс. чел. Сейчас риск гибели людей возрос, так как организаторы нелегального трафика стали использовать тактику отправки судов без экипажей (они покидают суда после выхода в море). В настоящее время, поток нелегальных мигрантов идет по двум направлениям: «центрально-средиземноморский коридор», когда мигранты отправляются от берегов Ливии и Туниса в сторону Сицилии, и путь с территории Греции, когда нелегалы отправляются в сторону Калабрии и Апулии. Первый коридор имел наибольшие масштабы: по нему

¹⁷⁵ См.: King R., Mai N. *Italophilia meets Albanophobia: paradoxes of asymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy* // *Ethnic and racial studies*. London, 2009. Vol.32. No.1. Pp. 117–138.

только за период с января по август 2015 г. прибыло больше 106 тыс. беженцев (в том числе 26.5 тыс. эритрейцев, 13 тыс. нигерийцев, 10 тыс. представителей народностей Сахары).

Контролировать потоки беженцев в Италии не всегда удается. Правительство пыталось сконцентрировать их в пунктах приема (на юге и на островах) и найти пути возвращения на родину. Но, беженцы требовали принять их в ЕС, что приводило к конфликтам с силами правопорядка. Первое такое столкновение произошло на острове Лампедуза в марте 2011 г., когда беженцы подняли бунт и сожгли миграционный центр.

Отдельные данные о численности беженцев в Италии накануне и в первый период миграционного кризиса представлены в табл. 15. Однако, эти сведения включали в себя только лиц, официально получивших статус беженца и не учитывали тех, кто подал прошение, но не получил окончательного решения (эта процедура может занимать до 6 месяцев).

Таблица 15

Численность беженцев в Италии в 2011-2014 гг. (тыс. чел.)*

Численность беженцев	2011	2012	2013	2014
	58.1	64.8	78.1	93.7

* Всемирный банк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org>

Известно, что только за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыло более 230 тыс. беженцев (столько же, сколько за весь 2014 г.) и, по оценкам, до 7 % из них остались в Италии. Еще порядка 600 тыс. заявлений о предоставлении убежища находились на рассмотрении, в том числе, более 30 тыс. заявлений в первом полугодии 2015 г. было подано в Италии¹⁷⁶.

В связи с отсутствием позитивных изменений в геополитической и экономической ситуации в странах Ближнего Востока и Северной Африки, вполне возможно, ожидать новой интенсификации потока беженцев. Подобное развитие ситуации создает чрезвычайные риски для страны, причем, как в сфере национальной и социально-экономической безопасности, так и для сохранения национально-культурной идентичности общества.

Иммиграция и преступность. В итальянском обществе сложилось мнение о значительном влиянии иммиграции на уровень преступности. В тоже время, статистика МВД за 2012 г. свидетельствует, что иностранные граждане совершили 23.9 % всех преступлений (учитывались только преступления с известной

¹⁷⁶ Eurostat. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database>

гражданской принадлежность преступника). Это был высокий показатель: фактически число преступлений равно 6.7 % от численности иностранцев, а среди итальянских граждан он равен 1.2 %. Число преступлений, совершенных мигрантами ежегодно возрастало, но темпы прироста были существенно ниже роста общей преступности. Так, число преступлений, совершенных гражданами Италии, увеличилось с 467.4 тыс. в 2004 г. до 643.0 тыс. в 2012 г. (+ 37 %), число преступлений совершенных иностранцами увеличилось с 224.5 тыс. до 290.9 тыс. (или + 29.6 %), а контингент иностранцев за это время удвоился (с 2.2 млн. до 4.4 млн. чел.)¹⁷⁷.

В тоже время, выше среднего показателя (31.1 %) среди мигрантов были такие тяжкие преступления как кражи (47.8 %), скупка и хранение краденого (47.2 %), похищения человека (44.3 %), насильственные действия сексуального характера (40.3 %), контрабанда (45.5 %), наркоторговля (37.2 %) и изготовление контрафактной продукции (68.2 %). Согласно статистике, наибольшей криминогенностью отличаются выходцы из Туниса, Нигерии, Сенегала и Марокко, а наименьшей – украинцы, китайцы и молдаване. Причем, если среди молдаван, албанцев, украинцев и румын наибольшую долю среди видов преступлений занимают кражи, то у марокканцев и тунисцев – наркоторговля, а у китайцев и сенегальцев – подделка торговых марок. При этом статистика МВД Италии подчеркивает, что уровень преступности среди легальных иммигрантов и коренных итальянцев почти не отличается, а большая часть преступлений совершенных иностранными гражданами приходится на нелегальных иммигрантов.

Рост преступности создает дополнительное общественное напряжение, а резонансные преступления вызывают острую дискуссию об иммиграции. С учетом роста числа «нелегалов» в результате притока беженцев, очевидно, следует ожидать и увеличения числа преступлений, совершенных иммигрантами.

Иммиграция как фактор культурной трансформации общества. Необходимо признать, что массовая иммиграция привела к этнической и религиозной диверсификации населения Италии. За последние 25 лет этнорелигиозная карта страны серьезно изменилась, а итальянское общество стало многонациональным и мультирелигиозным. Согласно отчетам Caritas в Италии присутствуют уже не менее 195 этнических групп, а в религиозной сфере – крупные сообщества мусульман, евангелистов, православных, сикхов, индуистов и т. д.¹⁷⁸ Отметим, что конфессиональная структура населения плохо поддается изучению. Например, в разных источниках доля католиков оценивается от 60 %

¹⁷⁷ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 183.

¹⁷⁸ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2012.

до 90 % от постоянного населения, а доля мусульман от 0.19 % до 2.02 %¹⁷⁹. Зато имеются более точные данные о религиозной принадлежности иностранных граждан. По данным Caritas в 2012 г. среди них 29.6 % являлись православными, 19.2 % – католиками, 4.4 % – протестантами, 32.9 % – мусульманами (в том числе, 54.5 % были выходцами из африканских стран, 31.7 % – из европейских стран и 13.7 % – из азиатских стран), 2.6 % – индуистами, 1.9 % – буддистами, 4.3 % – атеистами и агностиками и т. д.¹⁸⁰

Исследователи отмечают более высокий уровень религиозности этнических меньшинств (73 %), по сравнению с коренным населением (50 %)¹⁸¹. Как правило, религиозность мигрантов снижается от первого поколения ко второму, особенно, при успешной интеграции в обществе, но в случае неудачной адаптации и дискриминации у них может возникнуть защитная реакция в виде радикальной религиозности¹⁸².

Иммиграция активно воздействует и на институт семьи: в стране растет число смешанных браков. Так, в 2013 г. было зафиксировано 207.1 тыс. браков, в т.ч. 20.8 тыс. браков носили смешанный характер, то есть один из супругов был иностранным гражданином (в 2010 г. таких браков было зарегистрировано 17.2 тыс.)¹⁸³. В $\frac{3}{4}$ брачных союзов муж являлся гражданином Италии, а жена – иностранкой. В свою очередь, это вело к появлению новых граждан, ведь каждый третий случай натурализации связан с вступлением в брак¹⁸⁴. Выросло в последние годы и число браков, заключенных между постоянно проживающими иностранными гражданами: в 2010 г. таких браков было зарегистрировано 7.9 тыс., а в 2013 г. – 9.9 тыс.¹⁸⁵

Иммиграция нередко выступает фактором конфликта городской и сельской культур, ведь многие иммигранты являются выходцами из сельской местности, но концентрируются преимущественно в городских поселениях.

Важным фактором социокультурного развития становятся новые иностранные языки, привнесенные иммигрантами. В стране теперь представлено более 130 иностранных языков (т. н. «лингвистическая революция»). Они обогащают итальянскую культуру, но, одновременно, представляют собой вызов для принимающего общества, поскольку на протяжении многих веков страна

¹⁷⁹ Scuderi M. Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion // *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. Pp. 173–174.

¹⁸⁰ Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma: 2012.

¹⁸¹ Garelli F. Religione all'italiana. L'anima del paese messa a nudo. Bologna: il Mulino, 2011.

¹⁸² Portes A., Rumbaut, R.G. Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. New York: Russel Sage Foundation, 2001.

¹⁸³ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 211.

¹⁸⁴ Там же. P. 14.

¹⁸⁵ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 216.

использовала только итальянский язык в разных его диалектах. Это становится важным фактором в условиях этнической концентрации иммигрантов. Например, 17 % мигрантов в провинции Тоскана составляют китайцы, 18.5 % – в провинции Кампания – украинцы, во многих городах появились африканские и мусульманские кварталы¹⁸⁶. В этих условиях иностранный язык способен конкурировать с итальянским языком как средством социальной коммуникации, а также выступать дополнительным барьером для интеграции членов данной диаспоры. Эти риски усиливаются в связи с достаточно слабым знанием итальянского языка мигрантами первого поколения (особенно теми, кто вовлечен в мелкое производство и сельское хозяйство и трудится, преимущественно, в кругу своих соотечественников, а не включен в сферу домашнего сервиса как, например, украинцы и молдаване). Язык в этом смысле выступает дополнительным фактором сохранения этнической и религиозной идентичности иммигрантов. Поэтому, современная ситуация коренным образом отличается от ситуации двадцати-тридцати лет назад, когда иммигранты были достаточно редким явлением в итальянских городах.

Эти факторы, на наш взгляд, сдерживают интеграционные усилия принимающего общества, особенно в отношении китайской диаспоры и общин из ряда мусульманских стран (пакистанцы, марокканцы и др.), усиливают культурную фрагментацию итальянского общества и могут способствовать возникновению параллельных социальных институтов и норм. Некоторые исследователи считают такую перспективу маловероятной, ссылаясь на разнородность иммигрантов в этническом и культурном отношении¹⁸⁷. Действительно, состав мигрантов гетерогенен (195 этнических групп), но больше половины иммигрантов составляют выходцы только из 5 стран (Румыния, Албания, Марокко, Китай и Украина), а 2/3 иммигрантов приходится всего на 10 стран, то есть, фактически, предпосылки для возникновения анклавов и «параллельных обществ» имеются. По прогнозам демографов, уже к середине XXI века численность иностранных граждан в Италии (без учета натурализовавшихся мигрантов) приблизится к 9–12.4 млн. чел., что составит от 16.2 % до 18.4 % населения¹⁸⁸. Если рост иностранного населения будет сопровождаться возникновением этнических анклавов, это станет серьезной угрозой культурной целостности общества. Следует констатировать, что в результате иммиграции Италия превратилась в мультикультурную и мультиэтническую страну (хотя многие политики правого

¹⁸⁶ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 13.

¹⁸⁷ *Canego Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. М., 2010. С. 13–14.

¹⁸⁸ Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

толка все ещё отказываются это признавать). Сейчас наступил момент, когда значительная часть итальянского общества стала осознавать значение иммиграции как драйвера социокультурной трансформации, и выступает за учет культурных, языковых и религиозных различий в реализации иммиграционной политики.

Иммиграция как фактор внутренней политики. Уже с конца 1980-х гг. в Италии идет поляризация общественного мнения по вопросу об иммиграции. Он стал одним из самых обсуждаемых вопросов политической повестки.

По мере увеличения иммиграции и роста антимигрантских настроений, в стране усиливалась деятельность правых и националистических организаций («Лига Севера», «Национальный альянс», «Вперед, Италия!», «Народ Свободы»), которые в прошлом несколько раз даже формировали правительство. Эти политические силы призывают к ограничению иммиграции или закрытию страны для иммигрантов. «Лига Севера» в последнее время серьезно укрепила свои позиции не только в своем традиционном регионе (Ломбардия), но также и в регионах, прежде традиционно голосовавших за левых (например, в Реджио-Эмилия)¹⁸⁹. Ранее она выступала против присутствия в стране цыган, но после прихода в правительство объектом её критики стали иностранцы в целом, и мусульмане в частности. Партия апеллирует к католической церкви и консервативным кругам общества, для чего обращается к теме сохранения традиций и христианских ценностей (например, выступает за сохранение изображения распятия Христа в образовательных учреждениях).

С антимигрантской риторикой стало выступает и популистское «Движение пяти звезд», которое также требует закрыть границы. Хотя политические требования этого движения носят ситуативный и конъюнктурный характер, но они тоже отражают рост подобных настроений в обществе.

Демократическая партия прежде традиционно выступала с идеями поддержки иммигрантов и создания условий для их интеграции. Так, экс-лидер партии Р. Проди в 2011 г. заявлял: «В лице иммигрантов мы получаем огромный потенциальный ресурс. Надо идти по пути интеграции»¹⁹⁰. Однако, миграционный кризис 2014–2018 гг. также повлиял на позицию Демократической партии в этом вопросе, которая стала более осторожной.

В политическом дискурсе иммиграции присутствует целый ряд аспектов, к которым общественное мнение обращено особенно пристально. Одна из са-

¹⁸⁹ Животовская И.Г. Италия: опыт борьбы с нелегальной иммиграцией / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm

¹⁹⁰ Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. №1 (37). С. 137.

мых обсуждаемых тем связана с масштабами нелегальной миграции. По мнению Т.В. Зоновой, партии, борющиеся за голоса избирателей, и СМИ, нуждающиеся в сенсациях, намеренно «криминализируют» эту тему, в результате почти 2/3 респондентов уверены, что нелегальная иммиграция в разы превышает уровень легальной¹⁹¹. В действительности уровень нелегальной миграции в докризисный период оценивался по разным данным от 0.5 млн. до 1.5 млн. чел. (от 10 до 30 % от уровня легальной миграции)¹⁹².

Другой важной темой стал вопрос о влиянии иммиграции на трудовую занятость. Опросы показывают, что большинство итальянцев (76 %) уверены, что труд иммигрантов приносит существенную выгоду и компенсирует нехватку рабочих рук, но почти треть респондентов (29 %) также указывали на серьезную конкуренцию со стороны иммигрантов¹⁹³.

Проблемой становится и вопрос о пенсионном обеспечении первого поколения иммигрантов. Часть их уже приблизилась к рубежу пенсионного возраста или даже перешагнула его. Согласно законодательству, в случае легального пребывания, наличия 5 лет трудового стажа и при достижении 65-летнего возраста, можно претендовать на минимальное пенсионное обеспечение. Сейчас только 2.6 % от численности иммигрантов перешагнули пенсионный возраст, но к 2020 г. их уже будет 4.3 %, а к 2025 г. – более 6 %¹⁹⁴. Это усилит нагрузку на пенсионную систему, которая и сейчас одна из самых высоких в ЕС, и вызовет новую дискуссию о негативном влиянии иммиграции на итальянскую модель социального государства.

Массовая иммиграция из мусульманских стран привела к включению проблемы ислама в политическую повестку. Она связана с вопросами интеграции мусульман, открытия мест для проведения религиозных ритуалов, появления очагов исламского фундаментализма. Ислам стал фактором политической жизни, поскольку 32.9 % иммигрантов являются мусульманами (1.65 млн. чел. в 2011 г.), а некоторые исследователи даже считают ислам второй по важности религией в стране. Ислам не признан в Италии в качестве официальной конфессии (отсутствует специальное соглашение между правительством и религиозной организацией), а диалог с правительством затрудняют разнородность му-

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² *Алешковский И.А.* Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 134–135; *Гребенкина И.В.* Политика Италии в отношении нелегальных мигрантов после «арабской весны»: опыт для России // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 73.

¹⁹³ *Зонова Т.В.* Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. №1 (37). С. 133.

¹⁹⁴ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 14.

сульманского населения и наличие нескольких организаций, претендующих на представительство в публичной сфере¹⁹⁵.

Сильны среди итальянцев и различные стереотипы в отношении иммигрантов, также отчасти навязанные СМИ. Например, румын часто обвиняют в склонности к криминалу, проституции и попрошайничеству, украинским домработницам приписывают стремление разбить итальянские семьи. Периодически, после информации о терактах исламистов за рубежом, в стране усиливаются исламофобия и «поиски» исламских экстремистов.

Следует констатировать, что иммиграция становится все более значимой темой для внутривнутриполитической ситуации в стране. Дискуссии об иммиграции фактически приняли характер идеологического спора между «левыми», которые говорят о солидарности и об ответственности итальянского общества, и «правыми» – выдвигающими на первое место аспекты секьюритизации иммиграции (криминогенные и экстремистские угрозы). Массовая иммиграция из Африки и Азии спровоцировала появление в итальянском обществе такой проблемы как расизм. Прибытие беженцев усложняет внутривнутриполитическую ситуацию, усиливает конфликтогенный характер иммиграционных процессов, ведь общественное мнение в этом вопросе разобщено и проявляет как сочувствие, так и ксенофобию.

Проблема расизма и ксенофобии в итальянском обществе. Объективные трудности, вызываемые массовой иммиграцией, а также воздействие СМИ и влияние правых и популистских партий, провоцируют рост ксенофобии, расизма и дискриминации по этническому и религиозному признакам. В 2013 г. UNAR (Национальный офис по борьбе с расовой дискриминацией) зафиксировал 1142 проявления ксенофобии и дискриминации, причем 68.7 % случаев пришлось на проявления дискриминации по этническому или расовому признаку. Статистика случаев этнической и расовой дискриминации демонстрирует тенденцию возрастания частоты таких эпизодов в СМИ (с 2.5 % в 2005 г. до 34.2 % в 2013 г.), в публичном пространстве (с 5.3 % до 20.4 %), в местах отдыха (с 1.1 % до 11.4 %) ¹⁹⁶. Одновременно, сократилась доля проявлений дискриминации по указанным признакам в сферах труда, образования и в местах проживания, то есть проблема расизма и ксенофобии из сферы частной жизни переходит в публичную сферу. Причем, в публичной сфере она характеризуется такими опасными проявлениями как уличная агрессия, распространение расистских и ксенофобских идей (в том числе в виде общественных проклама-

¹⁹⁵ Canego Г.П. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

¹⁹⁶ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. Pp. 171–175.

ций), призывы к электоральной поддержке ксенофобских лозунгов, а также проявления ксенофобии в спорте. В 2013 г. в 988 случаях дискриминации по этническому или расовому признаку было возбуждено уголовное преследование, причем в 25.3 % эти факты были связаны с физическим насилием. К сожалению, ксенофобия стала частым явлением в спорте: по данным «Центра по мониторингу расизма и борьбе с расизмом в футболе», во время сезона 2013/2014 г. было зарегистрировано 118 эпизодов расизма во время матчей¹⁹⁷.

Важно подчеркнуть, что проблема ксенофобии носит двусторонний характер, то есть, она присутствует как со стороны самих итальянцев, так и со стороны мигрантов. Согласно отчетам UNAR, дискриминации по расовому и этническому признакам в 2013 г. подверглись представители 38 национальностей, но наибольшая доля принадлежит итальянцам (29.2 %), марокканцам (8.5 %) и румынам (8.5 %)¹⁹⁸.

Таким образом, массовая иммиграция вызвала рост ксенофобии и появление проблемы расизма, который прежде был не присущ итальянцам. Население страны относится к иммиграции неоднозначно: осознавая зависимость от иммиграции итальянцы, в тоже время, допускают проявления ксенофобии и расизма на бытовом уровне. Причины этого явления, отчасти, видятся в историческом прошлом Италии, которая долгое время представляла собой конгломерат государств и фактически не имела заморских колоний.

Интеграция мигрантов: проблемы и перспективы. Преодоление большинства издержек иммиграции возможно через реализацию адекватной интеграционной политики и, здесь, очень важным является вопрос об интеграции второго поколения иммигрантов. Как правило, иммигранты первого поколения мобильны и согласны на любую работу, а у второго поколения мигрантов снижается мобильность и возрастают требования к условиям и оплате труда. Ко второму поколению мигрантов в Италии причисляют: детей рожденных от иностранных родителей; детей, прибывших в порядке воссоединения семей; детей, прибывших самостоятельно; детей беженцев; детей, прибывших в порядке усыновления; детей, рожденных в Италии, один из родителей которых является иностранным гражданином¹⁹⁹.

Следует констатировать, что категория «второе поколение мигрантов» включает в себя разные группы с разным социальным капиталом. Понятно, что дети, усыновленные итальянскими родителями (как правило, представителями среднего класса) и дети, рожденные в смешанных браках, обладают лучшими

¹⁹⁷ Там же. P. 223.

¹⁹⁸ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. Pp. 174–176.

¹⁹⁹ Zannoni F. Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge // Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. P. 134.

возможностями и имеют хорошие стартовые позиции, практически как у их итальянских сверстников. Но, несмотря на различия социального, правового или экономического характера, данная группа имеет нечто, объединяющее их с детьми иностранных граждан и беженцев. Это общность происхождения, языковая общность, родственные связи, общая идентичность, базирующаяся на этнической и религиозной основе и т. д. Поэтому, выделение категории «второе поколение мигрантов» как особой социальной группы представляется обоснованным, при учете неоднородности её состава, как в социально-экономическом, правовом, так и в этническом и религиозном отношении.

Второе поколение мигрантов в дальнейшем будет способно выступить серьезным фактором, оказывающим влияние на социально-политическую ситуацию в стране.

На данный момент, число мигрантов второго поколения достигших зрелого возраста относительно невелико, но ситуация постоянно меняется в силу демографических характеристик мигрантов (табл. 16).

Таблица 16

Численность мигрантов, проживающих в Италии во втором поколении (чел.)*

	2006	2007	2008	2009	2010
Численность второго поколения	486542	740277	518700	572720	650802

* Caritas-Migrantes. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2012. P. 12; Caritas-Migrantes. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2011. P.12; Caritas-Migrantes. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma. 2009. P. 13.

Большая часть детей мигрантов пока посещает начальную и среднюю школу, причем, их численность постоянно растет: 755.9 тыс. учащихся с иностранным гражданством в 2011–2012 учебном году, или порядка 9 % от общей численности школьников вместо 0.7 % в 1996–1997 учебном году²⁰⁰. В начальных школах отдельных муниципалитетов уже до 50 % учеников составляют дети с иностранным гражданством. И этот тренд, по-видимому, будет только усиливаться. Хотя мигранты воспринимают модель воспроизводства принимающего общества в течение 2–3 поколений, но в ближайшие 10–20 лет, очевидно, среди них все еще будет иметь место рост рождаемости (например, в крупном индустриальном центре Реджио в 2013 г. 65 % новорожденных являлись детьми мигрантов).

²⁰⁰ Zannoni F. Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge // Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. P. 134.

Мигранты второго поколения, как правило, не планируют возвращение в страну, откуда прибыли их родители, но они не принимают и принудительной интеграции. Они претендуют на то, чтобы быть гражданами и требуют равных прав. Представители этой группы нередко имеют двойственную идентичность, разрываясь между культурой исторической родины и итальянской культурой, что нередко порождает конфликты в их повседневной жизни. Двойственность проистекает из значения этнокультурного фактора (язык, образ жизни, семейное окружение) и воздействия социальных институтов принимающей страны, а также зачастую усиливается низким социальным статусом. В условиях, когда национально-государственная идентичность базируется на итальянской этничности и католицизме, наличие иной этнической и религиозной идентичности может становиться фактором серьезного внутреннего конфликта личности.

В долгосрочной перспективе важным станет вопрос об интеграции третьего поколения мигрантов, то есть внуков мигрантов первого поколения. Оно пока малочисленно, поскольку основной поток мигрантов начался в 1980-е гг. (согласно переписи 1981 г. иностранные граждане в Италии составляли 0.4 % от общей численности населения)²⁰¹. Поэтому, вопрос о третьем поколении мигрантов до сих пор в Италии не рассматривался. Однако опыт Великобритании, ФРГ и Франции показывает, что именно третье поколение мигрантов имеет повышенные требования, недостаточно интегрировано и, при всем этом, социально активно²⁰². Поэтому, законодательство Италии, хотя и признает за каждым право сохранять приверженность собственным культурным, языковым и религиозным традициям, но, в тоже время, при помощи общественных организаций и ассоциаций иммигрантов стремится ликвидировать культурные и религиозные барьеры и содействовать успешной интеграции²⁰³.

Иммигранты как субъект политического процесса. Основной формой самоорганизации иммигрантов в Италии выступают различные ассоциации, созданные по этническому или религиозному признаку (наиболее активными являются филиппинская, китайская и мусульманская). Они же становятся главным механизмом политического участия иммигрантов. Пока ассоциации относительно слабо представлены в политической сфере, но в скором времени эта ситуация может измениться. Уже сейчас они поддерживают связи с политическими силами, в первую очередь с Демократической партией. Активно вовлекаются в политическую деятельность и профессиональные объединения мигрантов, например, Ассоциация, представляющая интересы домашней прислуги

²⁰¹ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 13.

²⁰² Харитонов И.Н. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 374.

²⁰³ Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 135.

в регионе Эмилья-Романья, активно взаимодействовала с Демократической партией и поддерживала ее на выборах (посредством агитации среди работодателей).

Можно отметить политическую активность молодежных организаций. Известная ассоциация «Молодые мусульмане в Италии», была основана в сентябре 2001 г. и объединила молодых мусульман (14–30 лет) из стран Африки, Среднего Востока, Азии. Целью Ассоциации провозглашается распространение исламской культуры, содействие развитию ответственного гражданства, поддержка молодых мусульман в стремлении к образованию. Демократическая партия уже проявляла интерес и пыталась использовать потенциал этой организации. Так, Халид Чауки (один из основателей, а затем президент ассоциации «Молодые мусульмане в Италии») в 2013 г. был избран депутатом итальянского парламента от Демократической партии. Примечательно, что одновременно с 2008 г. он являлся лидером организации «Второе поколение молодых демократов» – молодежного крыла Демократической партии. Это, несомненно, подчеркивает важность второго поколения мусульманских мигрантов для сферы публичной политики.

Другой пример политической активности мигрантов – это организация «Сеть второго поколения» (The Rete G2 – Seconde Generazioni). Это неправительственная организация, созданная в 2005 г. и действующая на национальном уровне. Она объединяет детей мигрантов и беженцев из разных регионов мира (18–35 лет), кто родился или вырос в Италии. Организация занимается продвижением интересов второго поколения мигрантов, например, добивается автоматического предоставления гражданства и равных прав детям мигрантов, рожденным в Италии, продвигает идею итальянской идентичности как результата взаимодействия множества культур, выступает за адаптацию системы школьного образования к нуждам мигрантов. Организация проводит встречи с политиками, журналистами и общественными деятелями и даже манифестации в поддержку различных политических идей²⁰⁴. В настоящее время организация действует во многих городах в центре и на севере Италии (Рим, Милан, Генуя, Болонья, Феррара и т. д.).

Активно функционирует «Ассоциация итальянцев китайского происхождения», которая стремится мобилизовать всех китайских мигрантов, родившихся или выросших в Италии. Эта организация была создана в 2005 г. и имеет филиалы в Риме, Милане, Генуе, Турине, Болонье, Флоренции и др. Президент «Ассоциации молодых итальянцев китайского происхождения» Марко Вонг даже стал депутатом регионального парламента во Флоренции, что усиливает политический потенциал этой организации. Ассоциация продвигает идеи диа-

²⁰⁴ Network G2 – Second Generations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.secondegenerazioni.it>

лога между вторым поколением китайских мигрантов и политическими институтами, взаимодействия между итальянскими и китайскими ассоциациями, а также знания о китайской культуре и политике мультикультурализма. Ассоциация стремится создать механизмы для отстаивания интересов всех итало-китайцев²⁰⁵.

Таким образом, в настоящее время основным актором политического процесса в Италии, представляющим интересы иммигрантов, являются неполитические общественные организации, созданные по этническому или религиозному признакам. Причем, они уже достаточно хорошо встроены в архитектуру политических отношений в стране. Следующим этапом, по всей видимости, станет появление полноценных политических партий, созданных по этноконфессиональному признаку (например, исламской партии).

Специфика политического участия иммигрантов. Необходимо отметить, что в итальянском политическом истеблишменте уже стали появляться представители иммигрантских сообществ. Так, среди них уже были министры (как, например, экс-министр по делам интеграции и иммиграции Сесиль Куэнж), сенаторы (Луис Ореллана), депутаты национального парламента (Халид Чауки), депутаты регионального парламента (Марко Вонг), депутаты муниципалитетов и т. д. В перспективе следует ожидать возрастания политического участия представителей иммигрантов в жизни страны в качестве политиков национального, регионального или муниципального уровня.

В рамках проблемы политического участия иммигрантов важным является вопрос о предоставлении им избирательных прав. Маастрихтский договор 1992 г. ввел институт европейского гражданства, обладателем которого становится каждый гражданин государства-члена ЕС. Этот правовой институт наделил граждан ЕС, проживающих в других государствах-членах, правом избирать и быть избранными на локальных выборах и на выборах в Европарламент, уравнив их в правах с гражданами страны проживания. Это решение напрямую касается некоторых иммигрантских сообществ, в частности, почти миллионной общины румын.

В 1994 г. Италия ратифицировала Европейскую конвенцию об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне, которая гарантирует иностранным гражданам свободу слова, собраний и ассоциаций, возможность создания консультативных органов на местном уровне, но без третьей части, наделявшей каждого иностранного резидента пассивным и активным избирательным правом на местных выборах после пяти лет легального проживания

²⁰⁵ Associna. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.associna.com>

в стране²⁰⁶. Несмотря на рекомендации институтов ЕС, против этого активно выступают правые партии Италии и это пока невозможно²⁰⁷.

Основной формой политического участия иммигрантов на местном уровне пока остаются консультативные органы. При многих муниципальных советах созданы специальные палаты, включающие представителей локальных этнических ассоциаций (в основном занимающихся содействием своим соотечественникам в поиске жилья, работы и оформлении документов). Они не имеют формального статуса, но привлекаются муниципальными властями к обсуждению и принятию некоторых решений (так, в Модене, Форли, Новелларе такое сотрудничество реализуется достаточно успешно). Благодаря данной социально-политической практике взаимодействия органов власти, принимающего общества и иммигрантов, происходит согласование интересов при принятии решений и обеспечивается постепенное вовлечение иммигрантов в политический процесс. При этом, «часть иммигрантов считает данную форму участия переходной мерой и шагом на пути к предоставлению им полных избирательных прав на местных выборах, другие убеждены, что правительство просто предлагает им своеобразную компенсацию, оправдывая свое нежелание предоставить полноценное право голоса»²⁰⁸.

Очевидно, что иммиграционные процессы скоро будут серьезно влиять на электоральное поле и на политический ландшафт страны. Учитывая, что к середине XXI века иностранные граждане будут составлять по разным оценкам от 16.2 % до 18.4 % населения, предоставление им избирательных прав даже на местных выборах способно изменить расстановку политических сил²⁰⁹. Придется учитывать и специфику политического поведения данной группы, которая будет обусловлена, в том числе, моделью политического участия принятой в стране исхода²¹⁰.

²⁰⁶ *Canego Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

²⁰⁷ *Шапаров А.Е.* Предоставление избирательных прав негражданам: тенденции и практика // Полис. 2011. № 1.

²⁰⁸ *Canego Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. М., 2010. С. 21.

²⁰⁹ *Migration in Italy: Current situation and perspectives.* Rome: International Organization for Migration, 2011. P. 39.

²¹⁰ *Чесноков А.С.* Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / А.С. Чесноков; УрГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. С. 14.

Остро на политической повестке в будущем будет стоять вопрос о политических правах многочисленного второго поколения иммигрантов. Италия пока не готова следовать общему тренду европейских стран в деле наделения избирательными правами не-граждан, но в Италии активно идет процесс их натурализации. В результате, в корпусе полноправных избирателей появляется прослойка «некоренных итальянцев», которые могут иметь различия в политических взглядах с коренным населением. Известно, что натурализовавшиеся граждане из числа иммигрантов, как правило, оказывают поддержку социал-демократическим силам, поэтому, по мере увеличения этой группы избирателей можно прогнозировать рост поддержки Демократической партии и других левых партий Италии в будущем. За последние годы число натурализовавшихся иммигрантов в Италии выросло с 285,8 тыс. в 2001 г. до 837,5 тыс. чел. – в 2013 г.²¹¹. Фактически это часть этнических общин, уже обладающая политическими правами и имеющая возможность лоббировать интересы своей диаспоры. Сейчас это лишь 1–2 % от электорального корпуса в Италии, но с ростом иммиграции значение этой группы будет возрастать, и она будет становиться важным актором формирования публичной повестки в стране, как минимум, в сфере иммиграционной и интеграционной политики.

Подводя итог, следует отметить, изменение иммиграционных трендов в Италии в течение последних 5 лет. Прежде заинтересованность в иммиграции была обусловлена экономическими интересами (экономический рост), а сейчас в большей степени она детерминирована демографическими факторами (старение населения). Если раньше важнейшими направлениями иммиграции были европейское и азиатское, то теперь, в первую очередь, – африканское. Несколько лет назад основным видом иммиграции было прибытие иностранной рабочей силы, а теперь – потоки беженцев. Как и в любой стране, иммиграционная политика Италии не свободна от противоречий и конъюнктурных изменений, связанных с расстановкой сил на политической арене. Сейчас она трансформируется в сторону ужесточения и делиберализации, что, следует признать, не всегда адекватно ситуации. Стремительный рост культурного разнообразия и рост числа иммигрантов провоцируют конфликты, порождают проблему ксенофобии и расизма в итальянском обществе, ставят на повестку дня вопросы интеграции и социального включения иммигрантов. Италия, столкнувшись с новыми иммиграционными вызовами, пытается найти надежные и эффективные способы их преодоления, но на сегодняшний день можно говорить о некотором кризисе иммиграционной и интеграционной политики. Очевидно, что в ближайшей перспективе Италию ждут серьезные перемены в иммиграционной сфере. Хотя модели иммиграционной политики не могут быть скопирова-

²¹¹ Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti. Roma: 2014. P. 14.

ны, тем не менее, российскому государству следует внимательно изучать опыт Италии, чтобы не допустить повторения этих ошибок.

Вопросы для самоконтроля к разделу

1. Какую роль играют миграции в контексте мировой политики на современном этапе?
2. Какие риски могут провоцировать миграционные потоки применительно к российской ситуации?
3. Осветите основные проблемы, связанные с иммиграцией в ФРГ?
4. Охарактеризуйте вызовы в сфере миграции, которые стоят перед Итальянской республикой на современном этапе?
5. В чем заключаются угрозы и риски неконтролируемой миграции?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее учебное пособие является в своем роде уникальным пособием, поскольку это одно из первых подобных изданий в России. Конечно же, оно не способно отразить весь круг проблем и достижений политической демографии в России и за рубежом. Это своего рода «пробный шар». Однако, уже сейчас, несомненно, что политическая демография как отрасль политической науки предоставляет широкий набор новых направлений исследования политических процессов, неординарных научных подходов, а также позволяет расширить инструментарий политолога и международника за счет демографических методов исследования. Необходимо научиться грамотно использовать этот демографический инструментарий в рамках политологических исследований. Данное издание призвано оказать определенное содействие в достижении указанной цели.

Можно отметить, что в настоящее время спектр направлений научных исследований в рамках политической демографии уже достаточно широк и учитывает разнообразные формы взаимодействия демографии и политики. Очевидно, что по мере развития новой науки перечень направлений исследований будет только увеличиваться, чему способствуют и усложнение политических процессов в современном мире, и появление новых демографических трендов.

Несмотря на относительную молодость, в рамках политической демографии уже сложились основные методологические подходы к исследованию разнообразных форм взаимодействия демографии и политики. Несомненно, развитие новой науки будет требовать, в дальнейшем, соответствующего расширения и её исследовательского инструментария. Но уже сейчас, можно констатировать, что политическая демография обладает достаточно серьезным инструментарием для анализа и, самое главное, для прогнозирования политических процессов и особенностей функционирования политических институтов. Этот анализ основан на приложении к анализу политических процессов и политических институтов данных о четырех основных демографических компонентах: рождаемости, смертности, структуре населения и миграции.

Рождаемость становится серьезным фактором социально-политического развития. Она создает возможности развития для общества, с одной стороны, но одновременно неконтролируемый рост рождаемости таит в себе серьезные вызовы для общества в будущем. Причем, в наибольшей степени эти риски проявляются в наименее развитых странах мира. В тоже время, исследования показывают, что, при грамотном политическом подходе и наличии соответствующих ресурсов, правительства этих стран могут минимизировать риски высокой рождаемости и превращать их в свои конкурентные преимущества.

Динамика смертности, проявляющаяся в настоящее время, в основном, в ее снижении, ведет, в целом, к такому явлению как «старение» население, ко-

торое также имеет далеко идущие последствия, как на уровне глобальной политики, так и национальном и субнациональном уровнях политики.

Структура населения (половозрастная, этническая, религиозная, территориальная) и вопросы, связанные с её трансформацией, без сомнения, также являются важными предпосылками политических процессов, как на региональном, национальном, так и на глобальном уровнях политики.

Внутренние и международные миграции уже сейчас оказывают огромное и разновекторное воздействие на протекание политических процессов и функционирование политических институтов в современном мире. Демографические прогнозы показывают, что значение этого фактора в XXI веке будет лишь возрастать.

Автору представляется актуальным дальнейшее развитие политико-демографических исследований в нашей стране, а также включение спецкурсов по политической демографии в учебные планы подготовки университетских политологов, международных и государственных служащих. Немаловажной задачей является и расширение числа исследователей, заинтересованных в изучении проблем политической демографии, а также перевод наиболее актуальных зарубежных работ по политической демографии на русский язык. Было бы крайне полезно также объединить отечественных политических демографов в рамках общей исследовательской сети или исследовательского комитета, например, в составе РАПН или иной общественной организации.

Список литературы

1. Нормативно-правовые акты.

1. Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
2. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>

2. Специальная литература

1. Адиев А.З. Особенности национального квотирования в органы власти Республики Дагестан / Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития: сб. материалов межд. научно-пр. конф. 11–12 марта 2009 г. Выпуск 2. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 216–220.
2. Алексеенко А. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 3. – С. 105–124.
3. Алешковский И.А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 129–136.
4. Атлас религий и национальностей России / Исследовательская служба «Среда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sreda.org/arena>
5. Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – 344 с.
6. Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. – 2008. – № 2. – С. 3–31.
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.
8. Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>
9. Боллманн И. Трудности европейской интеграции на примере Германии / Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130602/209575433.html>
10. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / сост., вступ. ст. и коммент. И Образцова; закл. ст. И. Даниленко. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

11. Великая миграционная держава глазами эксперта / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/lisa01.php>
12. Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. – 2004. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4215
13. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды / Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 368 с.
14. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды / Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – М.: Наука, 2005. – 381 с.
15. Гельбрас В. Китайцы в России: сколько их? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php>
16. Геополитика: хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – 512 с.
17. Германия решила отказаться от мультикультурности / Агентство гражданской журналистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://titus.kz/?previd=20193&type=polit>
18. Глава ФМС: наплыва беженцев из Сирии нет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pda.fms.gov.ru/press/speeches/item/55779/>
19. Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
20. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. 2-е изд. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. – 888 с.
21. Гребенкина И.В. Политика Италии в отношении нелегальных мигрантов после «арабской весны»: опыт для России // Вестник МГИМО. – 2012. – № 1. – С. 68–74.
22. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 263 с.
23. Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. Г.В.Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/demografial.html>
24. Демография: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и др.; под ред. Д.И. Валентея. – М.: Высшая школа, 1997. – 271 с.
25. Демьянов А. ФРГ оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/07/28/geburtenrate/>
26. Денисова Г.С. Формирование региональной идентичности как стратегия стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области / Роль кон-

фликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III международного конгресса конфликтологов. Т. 2. – Казань: КГТУ, 2010. – С. 71–72.

27. Динес В. Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации / В. Динес, А. Николаев // Власть. – 2010. – № 12. – С. 5–9.

28. Дробижева Л. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 4. – С. 32–48.

29. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1999. – 928 с.

30. Животовская И.Г. Италия: опыт борьбы с нелегальной иммиграцией / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm

31. Злоказов И.А. Демография нестабильности / И.А. Злоказов, В.И. Мукомель // Вестник Академии наук СССР. – 1991. – № 12. – С. 19–28.

32. Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог. – 2015. – № 1(37). – С. 130–138.

33. Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. – 2001. – № 6. – С. 140–155.

34. Исаев Б.А. Геополитика / Б.А. Исаев. – СПб.: Питер, 2006. – 384 с.

35. Карачурина Л.Б. Миграция как средство политического давления // Экономико-политическая ситуация в России в ноябре 2011 г. – М.: ИЭП, 2011. – С. 41–44.

36. Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php>

37. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.

38. Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – 718 с.

39. Козловский В. Турецкая доля немецкого чуда / Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/tureckaya-dolya-nemeckogo-chuda>

40. Коновалов В.Н. Теоретико-методологические аспекты анализа этнонационального конфликта / В.Н. Коновалов, Х.М. Маджид / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции

(с международным участием), 22–23 марта 2012 г.; Казанский нац. исслед. техн. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2012. – С. 27–32.

41. Кох М. Мигранты от нищеты: все больше цыган из Восточной Европы переезжают в ФРГ / М. Кох, А. Варкентин / Русская редакция сайта «Deutsche Welle». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/a-16614659>

42. Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002-2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>

43. Кузнецов И.М. Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере Москвы) : автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / И.М. Кузнецов; ИС РАН. – М., 2006. – 23 с.

44. Кузнецов И.М. Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере Москвы): дисс. ... канд. соц. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / И.М. Кузнецов; ИС РАН. – М., 2006. – 180 с.

45. Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. – М.: Планета, 1990. – 84 с.

46. Маккри Р. Как обуздать религию / Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130624/210333438.html>

47. Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>

48. Медков В.М. Демография: учебник / В.М. Медков. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 544.

49. Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. – 2007. – № 1 (9). – С. 117–141.

50. Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 2. – С. 43–48.

51. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.

52. Народонаселение: энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.

53. Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 229 с.

54. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.
55. Нестерова Т.П. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века // Научный диалог. – 2013. – № 7 (19). – С. 159–177.
56. Никонов В.А. Политическая демография // Стратегия России. – 2006. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1158657907&archive=1158663274&start_from=&ucat=14&
57. Основы демографии: учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. – М.: Высшая школа, 2004. – 374 с.
58. Пархалина Т.Г. Европейская безопасность: какой она видится сегодня? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы: аналитический бюллетень Центра по изучению проблем европейской безопасности. – М.: ИНИОН. – 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inion.ru/product/eurosec/st5%20v2.htm>
59. Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах России / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.
60. Политическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1.
61. Полян П. Русскоговорящие иммигранты в Германии: первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php>
62. Понамарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. – 2007. – № 3. – С. 61–79.
63. Попова Э.Г. Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством / Э.Г. Попова; ИСПИ РАН. – М., 2010. – 30 с.
64. Прохорова А. Сравнению не подлежит / Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/sravneniyu-ne-podlezhit>
65. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 544 с.
66. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социс. – 2014. – № 12. – С. 21–30.

67. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социс. – 2012. – № 8. – С. 49–60.
68. Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет: доклад на Ученом совете ИСПИ РАН 25 января 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/demo/strateg_demogr_razvitiya.htm
69. Садохин А.П. Этнология: учебник / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2001. – 256 с.
70. Саймон Дж. Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 2. – С. 40–54.
71. Современная демография / под ред. А.Я Кваши, В.А. Ионцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 272 с.
72. Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – Кн. 1. – С. 214–221.
73. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности // Власть. – 2011. – № 7. – С. 86–88.
74. Сакаев В.Т. Политические и демографические последствия перехода на многоуровневую систему высшего профессионального образования в Российской Федерации // Власть. – 2011. – № 12. – С. 91–92.
75. Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 216–221.
76. Сапего Г.П. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте): автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Г.П. Сапего; ИФ РАН. – М., 2010. – 22 с.
77. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: Рид Групп, 2012. – 780 с.
78. Слободенюк Е.Д. Бедные в России: структура группы и социальная динамика: автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Е.Д. Слободенюк; ВШЭ. – М., 2014. – 29 с.
79. Тарле Е. Наполеон. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 512 с.
80. Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm>
81. Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: дисс. ... докт. юрид. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / С.И. Тиводар; Ростовский юридический институт МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2008. – 343 с.

82. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
83. Травкина Н. Новая демография Америки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecpol.ru/index.php/syuzhety/243-novaya-demografiya-ameriki>
84. Травкина Н.М. Современные демографические тенденции в США (итоги переписи 2010 г.) // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2011. – № 12. – С. 3–24.
85. Уровень безработицы в Италии обновил исторический рекорд / РИА «Новости», 7 января 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html>
86. Харитонов И.Н. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 370–375.
87. Харченко М.А. Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии / М.А. Харченко; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 167 с.
88. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.
89. Хижный Э.К. Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домо-чадцами в Италии / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php>
90. Царёва Е.Ю. Особенности миграционной политики Италии на современном этапе: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального развития / Е.Ю. Царёва; МГИМО. – М., 2015. – 29 с.
91. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
92. Чесноков А.С. Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире: автореф. дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / А.С. Чесноков; УрГУ им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.
93. Шапаров А.Е. Акторы и механизмы формирования государственной иммиграционной политики развитых стран: автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / А.Е. Шапаров; МГУ. – М., 2010. – 53 с.
94. Шапаров А.Е. Предоставление избирательных прав негражданам: тенденции и практика // Полис. – 2011. – № 1. – С. 177–189.

95. Шерле А. Изменились мигранты, изменилось и отношение немцев к ним / А. Шерле, А. Варкентин / Русская редакция сайта «Deutsche Welle». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/a-16307631>
96. Шустов А. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 3. – С. 90–105.
97. Щербакова Е. ЕС-28: первые демографические итоги 2013 года / Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php>
98. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Науч. ред. Р.Г. Минзаринов. – Казань: Казанский ун-т, 2013. – 267 с.
99. Demeny P. Geopolitical Aspects of Population in the Twenty-First Century // Population and Development Review. 2012. No. 38 (4). Pp. 685–705.
100. Italy health system review / Health systems in transitions. 2014. Vol.16. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.healthobservatory.eu
101. Garelli F. Religione all'italiana. L'anima del paese messa a nudo. Bologna: il Mulino, 2011. – 250 p.
102. Ginsborg P. A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943-1988. London: Penguin books, 1990. – 586 p.
103. Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. No. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com>
104. Handbook of Population/ Poston, D.L., Micklin, M. (eds.). New York: Springer, 2006. 924 p.
105. Humes K., Jones N. and Ramires R. Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. 2010 Census Briefs, C2010BR-02, March 2011.
106. King R., Mai N. Italophilia meets Albanofobia: paradoxes of assymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy // Ethnic and racial studies. – 2009. – Vol. 32. – No.1. – Pp. 117–138.
107. Migration in Italy: Current situation and perspectives. Rome: International Organization for Migration, 2011. – 49 p.
108. Network G2 - Second Generations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.secondegenerazioni.it>
109. Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? / Goldstone, J.A., Kaufmann, E.P. & M.D. Toft (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p.
110. Portes A., Rumbaut, R.G. Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. New York: Russel Sage Foundation, 2001. 430 p.
111. Rapid Population Growth: Consequences and Political Implications. National Academy of Science (U.S.). Office of the Foreign Secretary. Baltimore: Jonh Hopkins University Press, 1971. Vol. 2. 696 p.

112. Scuderi M. Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion // *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. Pp. 169–186.
113. Social situation in the European Union. Luxembourg: Eurostat, 2006. 169 p.
114. Teitelbaum, M.S. Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science // *Population studies*. 2015. No. 69. Suppl. 1: P. 87–95.
115. The Future of the Global Muslim Population. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/>
116. Weiner, M. & Teitelbaum, M.S. Political demography, Demographic engineering / New York, Oxford: Bergahn Books, 2001. 148 p.
117. Zannoni F. Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge // *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*. 2015. 10, 1. Special Issue. Religion, Conflict and Education. Pp. 131–149.

3. Интернет-ресурсы:

1. Материалы Департамента экономических и социальных отношений ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>
2. Сайт научно-образовательного проекта «Политическая демография» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politdem.ru>
3. Сайт научно-образовательного проекта «Religious Freedom & Business Foundation» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://religiousfreedomandbusiness.org/brian-j-grim>
4. Сайт научно-образовательного проекта «E-International relations» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-ir.info/2013/02/23/political-demography/>
5. Сайт научного проекта «PEW research center» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/>
6. Персональный сайт исследователя Эрика Кауфмана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sneps.net/>
7. Персональный сайт исследователя Ричарда Синкотты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politicaldemography.org/publications/>
8. Федеральная статистическая служба ФРГ (Federal Statistical Office). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destatis.de>

Список сокращений

гос. – государство

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕС – Европейский Союз

кв. км. – квадратных километров

млн. – миллион

МОМ – Международная организация по миграции

МОТ – Международная организация труда

НАТО – Североатлантическая военная организация

ООН – Организация Объединенных Наций

орг. – организация

парл. – парламент

парт. – партия

тыс. – тысяча

Вопросы для итогового контроля знаний

1. Предметное поле политической демографии.
2. Принципы и методы политической демографии.
3. Политическая демография в системе политических наук.
4. Специфика исследования политико-демографических явлений на разных уровнях политики (региональном, национальном, глобальном).
5. «Демографическая инженерия» М. Вайнера и М. Тейтельбаума.
6. Демографические аспекты геополитики.
7. Демографический фактор этнополитических конфликтов.
8. Демографический фактор развития внутривнутриполитических процессов.
9. Демография как фактор глобальной политики: подходы Д. Голдстоуна, П. Демени, Дж. Саймона.
17. Демография как фактор политического развития России в первой половине XXI века.
18. Политика и демография в странах ЕС.
19. Политика и демография в США.

ОБ АВТОРЕ

Сакаев Василь Тимерьянович, кандидат исторических наук (2008), доцент (2010). Основное место работы: доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии «Казанского (Приволжского) федерального университета».

Сакаев В.Т. является членом Исследовательских комитетов РАПН по политической регионалистике и публичной дипломатии, член секции «Политическая демография и география» Ассоциации международных исследований (США), член совета Ассоциации молодых ученых КФУ (2012–2015 гг.), член редколлегии журналов «Грани науки» и «Казанский вестник молодых ученых» (г. Казань), эксперт Центра социологических исследований «Мониторинг общественного мнения» (г. Красноярск), член Итальянской ассоциации по исследованию народонаселения (с 2019 г.).

Проходил научные стажировки в университетах и научных центрах Израиля, Германии, Италии, Польши, Нидерландов, Великобритании, США. Обладатель грантов «Алгарыш», Erasmus, Tempus. В 2011 г. стал лауреатом конкурса «Лучший молодой ученый Приволжского федерального округа в области социогуманитарных наук», в 2014 г. – «Лучший молодой ученый Республики Татарстан в области социогуманитарных наук», в 2016 г. награжден премией Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых, в 2018 г. стал стипендиатом Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Результаты научных исследований Сакаева В.Т. обсуждались на ряде научных конференций по вопросам политической демографии: Первой международной конференции по политической демографии и макросоциологической динамики (Москва, декабрь 2013), Всероссийской научной конференции с международным участием «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России» (Ростов-на-Дону, апрель 2014), Международной научной конференции “Eurasia – Defining and Crossing Barriers” (Варшава, июнь 2014), Второй международной конференции по политической демографии и макросоциологической динамики (Москва, декабрь 2014).

Для связи с автором: sakaev2003@mail.ru

*Электронное учебное издание
сетевого распространения*

Сакаев Василь Тимерьянович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Учебное пособие

Подписано к использованию 03.12.2019.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 6,74. Заказ 371/11

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28